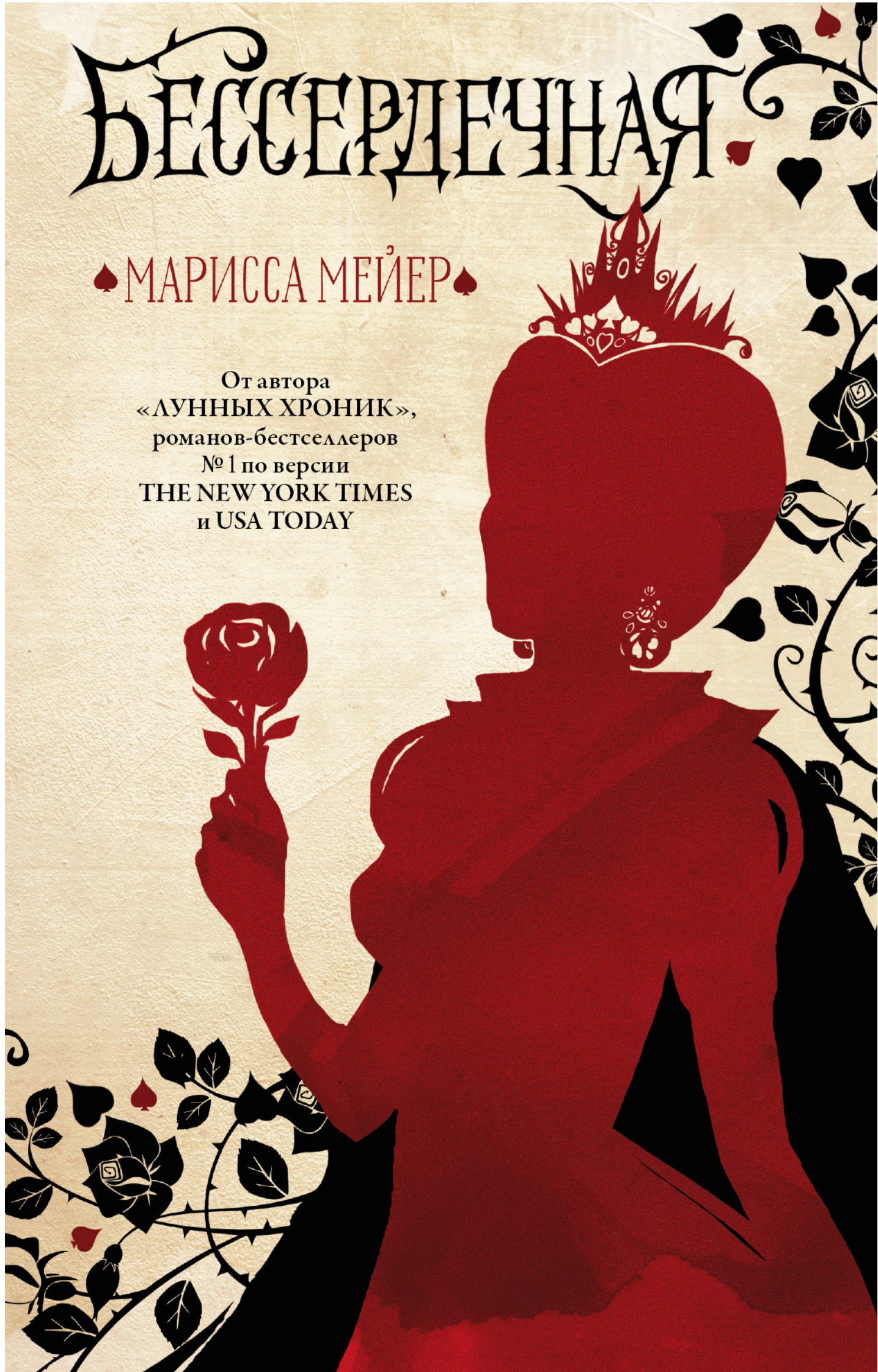

БЕССЕРДЕЧНАЯ

♠ МАРИССА МЕЙЕР ♠

От автора
«ЛУННЫХ ХРОНИК»,
романов-бестселлеров
№ 1 по версии
THE NEW YORK TIMES
и USA TODAY

Марисса Мейер

Бессердечная

«АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Мейер М.

Бессердечная / М. Мейер — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-104034-5

Задолго до того как Страна Чудес стала трепетать при одном имени Червонной королевы, жила была девушка, которая мечтала не о власти и богатстве, а о любви. А еще о том, как она откроет небольшую пекарню. Но мать заставила ее выйти замуж по расчету. История о том, что бывает, когда мечтам не дают осуществиться. И о том, откуда берутся безумные королевы.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-104034-5

© Мейер М., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	41
Глава 9	48
Глава 10	57
Глава 11	60
Глава 12	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Марисса Мейер

Бессердечная

Маме

*Я представляю себе Червонную Королеву
воплощением безудержной страсти —
нелепой и бессмысленной ярости.*

– Льюис Кэрролл

Глава 1

Три соблазнительных лимонных торта так и подмигивали Кэтрин. Обмотав руки полотенцами, она полезла в духовку и, стараясь не обращать внимания на вырвавшийся оттуда жар, вынула противень. Яркая, как солнышко глазурь подрагивала, будто радуясь освобождению из каменной темницы.

Кэт держала противень благоговейно – так подобало бы держать королевскую корону. Не отрывая глаз от тортов, она осторожно шла вперед и наконец со стуком опустила противень на кухонный стол. Торты вздрогнули в последний раз и замерли, безупречные и сияющие.

Размотав полотенца, Кэт взяла с пергаментных лимонные цукаты и выложила из них розочки, вдавливая каждый лепесток в еще не остывшую серединку тортов. Ароматы лимона и сдобы вились, щекоча ей нос.

Кэтрин отступила на шаг, любуясь своим произведением.

На торты ушло все утро. Целых пять часов она взвешивала масло, сахар и муку, вымешивала, выбивала и раскатывала тесто, взбивала и грела на медленном огне, перетирала яичные желтки с лимонным соком, пока они не стали густыми, маслянистыми и блестящими, как лютики. Полила корочку глазурью и украсила края завитушками, похожими на кружевную салфетку. Прокипятила и засахарила тонкие изогнутые полоски лимонной цедры, а потом долго толкла в ступке сахар, чтобы получилась тончайшая пудра. Сейчас у нее чесались руки скорее посыпать этой пудрой торты, но Кэт сдерживалась. Сначала их нужно как следует остудить, иначе сахар растает и покроет поверхность неаппетитными лужицами.

В этих произведениях кулинарного искусства воплотилось все, что Кэтрин узнала из потрепанных кулинарных книг с кухонной полки. Она не суежилась и не была небрежной, не упустила ни одной детали, ни одного ингредиента. Делала все тщательно и прилежно. Она вложила в эти торты свою душу.

Кэт осмотрела их, придирчиво, дюйм за дюймом – каждый завиток на корочке, каждую розочку на сияющей глазури, и позволила себе улыбнуться.

Перед ней стояли три идеальных лимонных торта, а значит, скоро все – от птицы додо до самого Короля – узнают, что она лучший кондитер в королевстве. Даже ее матери придется это признать.

Кэтрин чуть не подпрыгивала от волнения и пищала, зажимая рот руками.

– Вы – венец моего торжества! – воскликнула она и широко развела руки, словно посвящала пироги в рыцарство. – Теперь повелеваю вам идти в мир во всем вашем лимонном великолепии и вызывайте улыбки на устах у всех и каждого!

– Снова разговариваете с едой, леди Кэтрин?

– Ах, не просто с какой-то едой, Чеширчик! – Кэтрин, не оборачиваясь, подняла палец. – Позволь представить тебе самые восхитительные лимонные торты, какие только выпекались в славном Червонном королевстве!

Вокруг ее правого плеча обернулся полосатый хвост. На левом появилась пушистая усатая голова. Чеширский Кот глубокомысленно мурлыкнул, и от гулко-го звука по спине Кэтрин прошла дрожь.

– Впечатлен, – сказал Кот. Когда он говорил таким тоном, Кэт вечно сомневалась, не посмеивается ли он над ней. – Но где же тут рыба?

Кэт слизала с пальцев крупинки сахара и помотала головой.

– Рыбы нет.

– Нет рыбы? Какой же тогда в этом смысл?

– Смысл в совершенстве. – У нее каждый раз что-то екало внутри, когда она об этом думала.

Кот исчез с ее плеча и появился на столе, занеся над тортом когтистую лапу. Кэт мигом подскочила и согнала его.

– Не смей! Это для королевского бала!

Чеширский Кот дернул усами.

– Для Короля? Снова?

Скрипнув по полу ножками табурета, Кэт подтащила его поближе к столу и уселась.

– Думаю, ему хватит и одного, а остальными можно украсить пиршественный стол. Ты же знаешь, его величество так радуется, когда я что-то пеку для него. А счастливый король...

– Это счастливое королевство. – Чеширский Кот зевнул, не озаботившись прикрыть пасть лапой, и Кэт, недовольно поморщившись, загрозила собой пироги, чтобы дыхание с противным запахом сардин не осквернило их.

– Счастливый король – еще и превосходная рекомендация. Представь только, что будет, если он официально объявит меня поставщиком королевского двора! Да за моими тортами выстроится очередь длиной в милю!

– От них пахнет тортами.

– Ну да, ведь это и есть торты. – Кэт немного развернула их так, чтобы розочки из засахаренной цедры смотрели в одну сторону. Она всегда придирчиво относилась к внешнему виду своих изделий. Мэри-Энн говорила, что пирожные и торты у нее получаются красивее, чем у придворных кондитеров.

А после сегодняшнего вечера ее десерты станут известны не только как самые красивые, а как превосходные *во всех отношениях*. Именно такой оценки им с Мэри-Энн не хватало, чтобы открыть свою кондитерскую. Кэтрин чувствовала: их давняя мечта вот-вот осуществится.

– Разве сейчас сезон лимонов? – спросил Чеширский Кот, глядя, как Кэт собирает остатки лимонной цедры, чтобы отдать садовникам, которые используют ее для борьбы с вредителями.

– Вообще-то нет. – Кэт тихо улыбнулась. В мыслях она вернулась в сегодняшнее утро. Бледный свет, льющийся сквозь кружево занавесок... Аромат цитрусов, от которого она проснулась...

Ей захотелось сбросить воспоминание, спрятать его на груди, как секретик, но Чеширский Кот все равно скоро узнает. Дерево, выросшее в спальне за одну ночь – тайна, которую трудно скрыть. Учитывая чутье Кота на сплетни, Кэт удивлялась, почему до сих пор еще не пошли слухи. Видимо, все утро он был занят – дремал. Или, что более вероятно, позволял служанкам чесать себе животик.

– Они из сна, – призналась Кэт, перенося торты в особый шкаф, где им предстояло остывать дальше.

Чеширский Кот присел.

– Из сна? – его рот растянулся в широкую зубастую улыбку. – Расскажи-ка мне.

– Чтобы к вечеру об этом узнало полкоролевства? Ну, уж нет. Мне снился сон, а когда я проснулась, оказалось, что в спальне выросло лимонное деревце. А больше тебе знать ничего не нужно.

Кэт решительно захлопнула дверцу шкафа, чтобы поставить точку в разговоре и не допустить дальнейших расспросов. Сказать по правде, сновидение не оставляло ее с того мига, как она проснулась, оно назойливо звенело, дразнило. Кэтрин очень хотелось поговорить о нем – почти так же сильно, как и сохранить его втайне для себя.

Это был туманный, прекрасный сон, и в нем был туманный, прекрасный юноша. Весь в черном, он стоял в саду среди лимонных деревьев, и Кэт была уверена, что у него есть нечто, принадлежащее ей. Она не знала, что именно, но хотела получить это назад. Она пыталась подойти к юноше, но с каждым ее шагом он оказывался все дальше.

Кэт поежилась. Ее до сих пор мучило любопытство и хотелось броситься за ним вдогонку.

Но больше всего ей запомнились его глаза. Желтые и блестящие, сладкие и кислые. Глаза яркие, как спелые лимоны, которые вот-вот сорвутся с ветки дерева.

Кэт стряхнула с себя дымку воспоминаний и повернулась к Чеширскому Коту.

– Когда я проснулась, ветка дерева уже успела сломать один кроватный столбик. Конечно, мама велела садовникам убрать его из комнаты, пока оно не наделало больше беды, но несколько лимонов я все же успела сорвать.

– А я-то удивлялся, что за переполох устроили утром. – Хвост кота постукивал по столу. – Ты уверена, что эти лимоны не опасно употреблять в пищу? Если дерево проросло из сна, они могут оказаться, ну, знаешь, *странный* едой.

Кэт повернулась к закрытому шкафу, в глубине которого на проволочной решетке прятались торты.

– Ты боишься, что король станет меньше ростом, если съест кусочек?

Чеширский Кот возмущенно фыркнул.

– Наоборот, я боюсь, что, если я съем кусочек, то стану величиной с дом. Я, знаешь ли, слежу за фигурой.

Хихикнув, Кэт протянула руку через стол и пощекотала Коту подбородок.

– Ты прекрасен, Чеширчик, независимо от размера. А лимоны безопасны. Я попробовала один, прежде чем начала печь.

Она невольно поморщилась, вспоминая кислый вкус.

Чеширский Кот мурлыкал, почти забыв о ней. Не убирая руки от его подбородка, Кэт другой погладила его по животу, и Кот блаженно завалился на бок.

– И даже если ты станешь больше, я найду тебе применение. Всегда мечтала о карете, запряженной котом.

Чеширский Кот приоткрыл один глаз; зрачок-щелочка не смеялся.

– А чтобы заставить тебя бежать, я бы бросала перед тобой клубки шерсти и рыбы косточки.

Кот ненадолго перестал мурлыкать, чтобы ответить:

– Это совсем не так забавно, как вам кажется, леди Пинкертон.

Кэт легонько стукнула его пальцем по носу и отдернула руку.

– Ты мог бы проделывать свой трюк с исчезновением, и все бы думали: «Ах, ах! Только взгляните, как эта величественная круглая голова тянет вдоль по улице карету!»

Теперь Чеширский Кот смотрел на нее обоими глазами.

– Я гордый кот, а не рабочий скот.

Оскорбленно зашипев, он исчез.

– Ну, не злись. Я же просто пошутила!

Кэтрин сняла передник и повесила на крючок в стене. На платье остался силуэт передника, очерченный мукой и кусочками засохшего теста.

– Между прочим, – приплыл к ней кошачий голос, – тебя ищет мать.

– Почему? Я все утро здесь.

– Да, и теперь ты опаздываешь. Поторопись, если не хочешь, чтобы тебя саму превратили в лимонный торт.

– Опаздываю? – Кэтрин недоуменно посмотрела на часы с кукушкой на стене. Был ранний полдень, еще куча времени до...

Вдруг сердце у нее екнуло: из часов доносилось еле слышное посапывание.

– Да что ж это! Кукушка, ты опять спишь?

Кэт хлопнула ладонью по боковой стенке часов. Дверца открылась, оттуда показалась заспанная бурая птичка.

– Ку-ку! – рявкнула Кэт.

Птичка вздрогнула, окончательно проснулась и ошалело захлопала крыльями.

- Боже, боже! – квохтала она, протирая глаза кончиками крыльев. – Который час?
- Это *ты* у меня спрашиваешь, глупая птица? – Кэтрин со стоном отчаяния бросилась из кухни и чуть не столкнулась на лестнице с Мэри-Энн.
- Кэт... леди Кэтрин! Я... там Маркиза...
- Знаю, знаю, бал! Я потеряла счет времени.
- Мэри-Энн оглядела ее с головы до пят и схватила за руку.
- Вам нужно срочно умыться и почиститься, пока она не приказала отрубить нам обеим головы.

Глава 2

Проверив сначала, нет ли за углом Маркизы, Мэри-Энн торопливо провела Кэтрин в спальню и захлопнула дверь.

Вторая служанка, Абигайль, уже была там, одетая, как и Мэри-Энн, в скромное черное платье и белый передник. Она размахивала метлой, пытаясь выгнать в распахнутое окно стрекозла. Каждый раз, как она промахивалась, стрекозел начинал бодаться и трясти бородой, а потом взмывал к потолку.

– Вреднящие насекомые! Смерти моей хотят! – простонала Абигайль, вытирая со лба пот. Потом спохватилась, что Кэтрин тоже здесь, и торопливо присела в реверансе.

Кэтрин замерла.

– Абигайль!..

Поздно предупредила. Крошечные копытца процокали прямо по крахмальному чепцу Абигайль, и стрекозел стрелой взлетел вверх.

– Ах ты, гадкий стрекозлице! – взвизгнула Абигайль и снова замахала метлой.

Передернув плечами, Мэри-Энн потащила Кэтрин дальше, в туалетную комнату, и закрыла дверь. Рядом с умывальным тазиком уже стоял наготове кувшин с водой.

– Принимать ванну некогда, но мы ничего не расскажем вашей матушке, – бормотала она, вертя в руках белое муслиновое платье Кэтрин. Намочив мочалку, Кэт принялась смывать муку с лица. И как только она ухитрилась вымазать даже уши?

– Ты, кажется, сегодня собиралась в город? – спросила она, пока Мэри-Энн стягивала с нее платье и сорочку.

– Я и ходила, но было ужасно скучно. Все только и говорят, что про бал. Вот уж глупости, что в нем интересного? Ведь Король чуть не каждый день устраивает праздники.

Взяв мочалку, Мэри-Энн стала скрести руки Кэт, пока кожа не покраснела, а потом щедро обрызгала розовой водой, чтобы заглушить запахи сдобы и очага.

– Много было разговоров о новом придворном шуте, у которого сегодня дебют. Джек похвалялся, что устроит ему посвящение: украдет шутовской колпак и испортит бубенцы.

– Что за ребяческие выходки!

– Вы правы. Джек ужасно бестолковый. Впрочем, все валеты таковы.

Мэри-Энн помогла Кэт надеть чистую сорочку, усадила на табурет и стала расчесывать ее темные волосы.

– Но кое-что интересное я слышала. Башмачник уходит на покой и собирается к концу месяца продать свою лавку.

Мэри-Энн ловко закрутила волосы, подхватила подносик со шпильками, кое-где коснулась волос воском – и вот уже на затылке у Кэтрин красуется изящный пучок, а лицо обрамляют жизнерадостные локоны.

– Башмачник? С Мэйн-стрит?

– Он самый. – Мэри-Энн повернула Кэт к себе лицом и таинственно зашептала. – Я как об этом услышала, сразу подумала, какое это чудесное место. Для нас.

Кэт широко раскрыла глаза.

– Черви-козыри, а ты права! Совсем рядом с игрушечным магазином...

– И прямо по дороге к той симпатичной белой часовне. Подумать только, какие свадебные торты можно будет печь.

– Ах! А на открытие можно напечь пирогов в виде разноцветных сапог – в честь хозяина, сапожника. Начнем с классики – черничный сапожок, персиковый – но ты только представь, какие открываются возможности. Лавандово-нектариновый, а на другой день бананово-карамельный, посыпанный хрустящими крошками, и...

– Перестаньте! – рассмеялась Мэри-Энн. – Я ведь еще не ужинала.

– Мы должны отправиться туда и все разузнать, ты согласна? Пока другие не узнали!

– Я тоже об этом подумала. Может, завтра? Вот только ваша матушка...

– Скажу ей, что мы идем за новыми лентами. Она и внимания не обратит. – Кэтрин встала на цыпочки. – А когда она узнает о кондитерской, мы объясним ей, что это невероятно выгодное дело, и она не сможет нам отказать.

Широкая улыбка Мэри-Энн заметно потускнела.

– Боюсь, она вряд ли это одобрит. И на выгоду не польстится...

Кэт отмахнулась, хоть и знала, что Мэри-Энн права. Ее мать вообще не одобряла желания своей единственной дочери, наследницы Черепашьей Бухты, заниматься мужским, неприличным для дамы делом. И уж тем более, вместе с жалкой служанкой. Крутиться у плиты, повторяла матушка, подобает только слугам. А особенно ей не нравилась идея Кэтрин потратить приданое на то, чтобы открыть собственное дело.

Однако они с Мэри-Энн мечтали об этом очень давно – вот Кэт иногда и забывала, что мечты еще не сбылись, хотя ее пирожные и десерты были известны во всем королевстве. Король их просто обожал – только это и заставляло матушку скрепя сердце мириться с ее увлечением.

– Ее согласие нам и не нужно, – заявила Кэт, стараясь убедить больше себя, чем Мэри-Энн. У нее все внутри холодело при мысли о том, как разгневается матушка, узнав об их замысле. Чего доброго, еще отречется от дочери... Но все должно обойтись. Кэт очень на это надеялась.

Кэт высоко подняла голову.

– Мы своего добьемся, с одобрения моих родителей или без него. У нас будет лучшая кондитерская в целом Червонном Королевстве. Да что там, сама Белая Королева придет, когда пойдут слухи о наших роскошных шоколадных тортах и неописуемо нежных слоеных булочках со смородиной.

Мэри-Энн недоверчиво поджала губы.

– Кстати, чуть не забыла, – продолжала Кэт. – В шкафу сейчас остывают три торта. Ты ведь подашь их сегодня вечером? Ах, только сначала нужно посыпать сахарной пудрой! Я оставила пудру на столе. Чуть-чуть, самую малость.

И она показала сколько, сложив пальцы щепоткой.

– Конечно, подам. А какие торты?

– Лимонные.

На лице Мэри-Энн заиграла лукавая усмешка.

– С вашего дерева?

– Так ты уже слышала?

– Я видела, как садовник утром сажал его у вас под окном, и спросила, откуда оно взялось. Ох, и пришлось ему повозиться, чтобы распутать ветки и отцепить их от вашей кровати! А деревце выглядит свежим, будто и не пострадало совсем.

Кэт сжала руки, не понимая, почему ее так смущают разговоры о деревце из ее сна.

– Хм, да... Лимоны оттуда, и я уверена, что эти торты мне удались как никогда. Уже завтра утром о них заговорит все королевство, и все будут спрашивать, когда же они смогут купить наши десерты.

– Да что вы, Кэт, – аккуратно, чтобы не повредить прическу, Мэри-Энн надела Кэтрин корсет через голову. – Все спрашивают об этом уже с прошлого года, когда вы испекли поджаристое печенье с кленовым сиропом.

Кэт наморщила нос.

– Не напоминай. У меня тогда чуть все не подгорело, помнишь? Края получились слишком хрустящими.

– Вы к себе чересчур строги.

– Я хочу быть лучшей.

Мэри-Энн положила руки на плечи Кэт.

– Вы и так лучшая. И я еще раз прикинула: затраты, стоимость аренды лавки господина Гусеницы, ежемесячные расходы, стоимость продуктов в пересчете на нашу суточную выработку, и цены.

Кэт зажала уши.

– От твоих цифр и математики вся радость уходит. Ты же знаешь, у меня от них голова идет кругом.

Мэри-Энн, фыркнув, подошла к платяному шкафу.

– Вам же не трудно сосчитать, сколько в стакане столовых ложек. Так это почти то же самое.

– Нет, это совсем другое. Потому-то ты мне и нужна в этом деле. Мой изумительный, рассудительный и умненький деловой партнер.

Она стояла спиной к Мэри-Энн, но прекрасно представляла, как у той глаза полезли на лоб.

– Где бы это записать, леди Кэтрин? Что ж, я правильно помню, что для бала мы выбрали белое платье?

– Да какое хочешь. – Вся в мыслях об их будущей кондитерской, Кэт вдевала в уши жемчужные сережки.

– Так что же? – спросила Мэри-Энн, выдвигая ящики и доставая из шкафа нижнюю юбку с оборками. Она повернула Кэт спиной, чтобы затянуть шнурки на корсете. – Сон был хороший?

Тут Кэт с удивлением обнаружила у себя под ногтями остатки теста. Вычищая их, она опустила голову, скрывая, что покраснела.

– Ничего особенного, – ответила она, думая о лимонно-желтых глазах.

И ахнула – корсет вдруг резко сдавил ей бока.

– Меня не провести, я всегда вижу, когда вы врете, – заметила Мэри-Энн.

– Ну, ладно, ладно. Да, сон был хороший. Хотя все сны волшебные, не так ли?

– Не знаю. Я пока ни одного не видела. А вот Абигайль как-то рассказывала, будто ей приснился большой сияющий месяц в небесах... а наутро появился Чеширский Кот, и в воздухе повисла его зубастая улыбка. Выпросил блюдечко молока – и вот уже сколько лет мы не можем его спровадить.

Кэт хихикнула.

– Чеширчика я очень люблю, но все же надеюсь, что мой сон сулит что-то поволшебнее Кота.

– А если даже и нет, парочку славных лимонов вы уже получили.

– Верно. И это должно меня радовать.

Но это ее не радовало. Ни чуточки.

– Кэтрин! – дверь открылась, и в комнату влетела Маркиза, со свекольно-красным, несмотря на толстый слой пудры, лицом и вытарашченными, как плошки, глазами. Всю жизнь матушка Кэтрин пребывала в волнении и суматохе. – Вот ты где, дорогуша! Как, еще даже не одета?!

– Мамочка, Мэри-Энн как раз помогала мне...

– Абигайль, перестань возиться с метлой, скорее сюда! Нам нужна твоя помощь! Мэри-Энн, что она наденет?

– Миледи, мы думали о белом платье...

– Ни в коем случае! Только красное! Ты будешь в красном платье! – Распахнув дверцы шкафа, Маркиза нырнула внутрь и извлекла пышный наряд из тяжелого алого бархата, с необъятным турнюром и декольте, которое мало что оставляло прикрытым. – Да, превосходно!

– Ах, мамочка, только не это платье. Оно мне... мало!

Маркиза смахнула с кровати глянцевого темно-зеленого листа и разложила платье поверх покрывала.

– Нет, нет и нет! Это платьице не может быть мало моему золотцу, моей милочке-лапочке! Это особенный вечер, Кэтрин, и ты просто обязана выглядеть наилучшим образом.

Кэт умоляюще посмотрела на Мэри-Энн, но та лишь пожала плечами.

– Но это же просто бал, один из многих. Почему я не могу...

– Ай-ай-ай, не спорь, деточка! – Маркиза подошла к Кэтрин и взяла ее лицо в ладони. Мать Кэтрин хоть и была худой, как птичка, но в том, как она мяла и щипала щеки дочери, не было птичьей легкости и изящества. – Сегодня вечером тебя ждет райское блаженство, красавица моя!

И, странно блеснув глазами, отчего Кэтрин насторожилась, Маркиза крикнула:

– А ну, кругом марш!

Подпрыгнув от неожиданности, Кэт покорно повернулась лицом к окну.

Ее мать (Маркизой она стала, выйдя замуж) так действовала на всех. Она, конечно, умела быть и любящей, и душевной, и Маркиз, отец Кэтрин, души в ней не чаял. Но Кэт слишком хорошо знала, как внезапно меняется у нее настроение. Вот она ласково и нежно воркует, а в следующий миг орет во всю глотку. При своем хрупком сложении Маркиза обладала громовым голосом и *особенным* взглядом, от которого сердце даже у льва ушло бы в пятки.

Кэт считала, что привыкла к характеру матери, но даже ее эти частые перепады настроения заставляли врасплох.

– Мэри-Энн, затягивай корсет!

– Но миледи, я только что...

– Ту же, Мэри-Энн. Это платье требует талии в двадцать два дюйма. Но я хочу, чтобы сегодня она была утянута до двадцати. К несчастью, Кэт, широкой костью ты пошла в отца, и тебе надо неусыпно следить, чтобы не унаследовать и его комплекцию. Абигайль, будь ангелом, принеси рубиновые украшения из моей шкатулки с драгоценностями.

– Рубиновые украшения? – пискнула Кэтрин, пока Мэри-Энн возилась с завязками корсета. – Но эти серьги ужасно тяжелые...

– Не будь такой неженкой. Это только на один вечер. Ту же!

Глаза у Кэтрин чуть не вылезли, когда Мэри-Энн затянула корсет. Она выдохнула весь воздух, какой оставался в легких, и, вцепившись в сумочку, моргнула, пытаясь прогнать пляшущие перед глазами искры.

– Мамочка, я так задохнусь!

– Отлично, в другой раз подумай, прежде чем брать добавку десерта, как вчера. Или ты объедаешься, как поросенок – или одеваешься, как леди. Было бы чудом, окажись платье в пору.

– Я могла бы надеть белое...

Мать скрестила руки на груди.

– Моя дочурка будет сегодня в красном, как настоящая... впрочем, неважно. Придется тебе сегодня обойтись без ужина.

Кэт взвыла – это Мэри-Энн в очередной раз затянула корсет. Целый вечер мучиться спеленатой, как мумия, и так скверно. Но еще и без ужина? Угощение – вот чего Кэтрин всегда ждала от королевских балов, а сегодня за весь день она съела лишь одно вареное яйцо – хлопоты с тортами так ее захватили, что было не до еды.

В животе заурчало.

– Как вы, ничего? – шепотом спросила Мэри-Энн.

Кэт молча кивнула, чтобы не тратить на разговоры драгоценный воздух.

– Платье!

Не успела Кэтрин опомниться, как ее сдавили еще сильнее и впихнули в красное бархатное чудовище. Наконец, служанки закончили, и Кэтрин осмелилась одним глазком взглянуть на себя в зеркало. Это ее утешило: может, она и чувствовала себя как окорок, перетянутый бечевкой, но выглядела совсем не так. На фоне сочного карминно-красного бархата ее губы стали пунцовыми, светлая кожа казалась еще белее, а темные волосы – еще темнее. А когда Абигайль надела ей на шею массивное рубиновое ожерелье и заменила жемчужинки в ушах на сверкающие серьги, Кэтрин вдруг ощутила себя настоящей светской дамой в ореоле тайны и блеска.

– Сказочно! – Маркиза двумя руками сжала ладонь Кэтрин, растроганно глядя на нее повлажневшими глазами. – Я так рада за тебя, милая.

Кэтрин нахмурилась.

– Ты за меня рада?

– Ах, перестань, не до того сейчас!..

Мать поцокала языком, потрепала Кэт по руке и тут же оттолкнула ее.

Кэтрин снова покосилась на свое отражение. Таинственность быстро улетучилась, и теперь она чувствовала себя незащищенной. Насколько уютнее в удобном, милом домашнем платье, пусть даже и выпачканном мукой.

– Мама, это чересчур. Я одна буду такая... расфуфыренная.

Маркиза фыркнула.

– Вот именно! Ты выглядишь потрясающе! – Она смахнула слезинку. – Просто с ума сойти.

Как ни тяжело было Кэт в оковах корсета, она все же почувствовала в груди горячую искорку. Обычно мать будто забивала ей в голову гвозди: как ты держишь вилку, выпрями спину, улыбайся, *но не так широко!* Она понимала, что мама желает ей добра, но как же приятно хоть раз в виде исключения услышать похвалу.

Мечтательно вздохнув в последний раз, Маркиза сообщила, что должна заглянуть к отцу Кэт, и тут же вылетела из комнаты, прихватив с собой Абигайль. Когда дверь за ней захлопнулась, Кэт хотела только одного – в изнеможении повалиться на кровать, так на нее действовало присутствие матушки. Но она не стала этого делать, боясь, что лопнет какой-нибудь шов на видном месте.

– Я выгляжу так же нелепо, как чувствую себя?

Мэри-Энн замотала головой.

– Вы обворожительны!

– Разве не абсурд – выглядеть обворожительно на обычном глупом балу? Все решат, что я слишком о себе возомнила.

Мэри-Энн сочувственно кивнула.

– Да, немного через край.

– А еще я ужасно хочу есть. – Кэт изогнулась внутри корсета, пытаясь оттянуть жесткую косточку, впившуюся ей в ребра, но у нее ничего не получилось. – Мне нужен шоколад.

– Простите, Кэт, но не думаю, что это платье позволит вам съесть хоть кусочек. Идемте, я помогу вам надеть туфли.

Глава 3

Наверху, гордо приосанившись, стоял церемониймейстер – Белый Кролик. Когда отец Кэтрин протянул ему свою визитную карточку и велел доложить о приезде, он радушно улыбнулся.

– Добрый вечер, добрый вечер, ваше сиятельство! Какой поразительный галстук, как он изумительно идет к вашим волосам. Снежная буря на Лысой горе, так бы я это описал.

– Вы так думаете, господин Кролик? – спросил отец Кэт и даже похлопал себя по голове, польщенный комплиментом.

Кролик перевел взгляд на Маркизу.

– Дражайшая леди Пинкертон! Никогда еще мои глаза не видели подобной красоты, подобной утонченности...

Маркиза довольно резко оборвала его.

– Покончим с этим, распорядитель!

– Э-э, разумеется! Ваш покорный слуга, миледи. – Взволнованный Кролик поднял длинные уши торчком и поднес трубу к губам.

По бальному залу эхом разнеслись фанфары, и Кролик провозгласил:

– Его сиятельство Кабриолет Т. Пинкертон, благороднейший Маркиз Черепашьей Бухты, в сопровождении супруги, леди Идонии Пинкертон, Маркизы Черепашьей Бухты, и дочери, леди Кэтрин Пинкертон!

Пока Маркиз и Маркиза спускались по лестнице в зал, Кролик покосился на Кэтрин. При виде ее огромного красного платья его розовые глазки расширились, носик презрительно задергался, но, вовремя спохватившись, Кролик лицемерно улыбнулся.

– Смею заметить, леди Пинкертон, вы выглядите... э-э... весьма и весьма примечательно.

Кэт с трудом улыбнулась в ответ и следом за родителями направилась к лестнице, но, посмотрев на собравшихся, ахнула и попятилась.

Внизу перед ней расстилось черно-белое море.

Иссиня-черные перчатки до локтя и мундиры оттенка слоновой кости.

Вуалетки цвета испуганной морской звезды и черные, как уголь, галстуки-бабочки.

Лосины в шахматную клетку. Маски, полосатые, как зебра. Юбки цвета воронова крыла, отделанные стразами и серебряной канителью. Кое-кто из бубновых придворных даже нашол на живот черные пики, чтобы скрыть собственные значки – красные ромбы.

Примечательно, точнее не скажешь.

В толпе встречались-таки искорки красного – алая роза в петлице или бантик на корсаже платья – но только Кэтрин была в красном с головы до пят. Она почувствовала, как шею и уши заливают волна румянца – больше, больше красного, как будто платья недостаточно. Она ловила устремленные на нее взгляды, слышала сдержанные вздохи, чувствовала общее недоумение и неприязнь. Как вышло, что матушка не знала, что это один из черно-белых королевских балов?

И тут она поняла...

Матушка знала. Взглянув на ее колышущееся белое платье и белый фрак отца, Кэт догадалась, что мать все прекрасно знала и ничего не забыла.

Фанфары снова прогремели прямо над ухом. Белый Кролик, подойдя к ней, деликатно кашлянул.

– Я сгораю от стыда за то, что вынужден поторопить вас, леди Пинкертон, но следующие гости ждут своей очереди быть объявленными...

Кэт обернулась и увидела образовавшуюся очередь – гости толпились позади, одни посматривали на нее украдкой, другие откровенно таращились.

Сдерживая рвущийся наружу ужас, Кэтрин приподняла юбку и храбро двинулась навстречу пингвинно-енотовой толпе.

В незапамятные времена балльный зал Червонного замка был высечен из исполинских размеров кристалла розового кварца – и пол, и перила, и монументальные колонны, поддерживающие сводчатую крышу. Потолок был украшен живописными панно с различными видами Червонного королевства: Безвыходный лес, горы Кой-Куды и Никуды, Перекрестья, замок и холмистая местность, простирающаяся во все стороны до горизонта. Даже Черепашья Бухта удостоилась быть изображенной над дверью, ведущей в розовый сад.

По южной стене тянулись в ряд большие окна в форме сердец из граненого красного стекла. Пиршественный стол, ломившийся от фруктов, сыров и сладостей, стоял вдоль северной стены, у самой балюстрады, отделявшей танцующих от оркестра. С потолка свисали хрустальные люстры, и тысячи белых свечей изливали на собравшихся теплый свет. Еще не сойдя с лестницы, Кэтрин услышала, что некоторые свечки жалуются на сквозняк, а самые горячие головы среди них умоляют кого-нибудь прикрыть двери.

Кэтрин посмотрела на стол – островок утешения в переполненном зале, даже для той, кому из-за тесного платья не придется отведать ни кусочка. Каждый шаг давался ей с боем – сражаться приходилось с впивавшимся в ребра корсетом и волочившимся по ступеням длинным шлейфом. Ощувив, наконец, под каблуками надежный каменный пол, Кэт вздохнула с облегчением.

– Дражайшая леди Кэтрин, я так рада, что вы почтили нас своим присутствием.

Благодарность тут же испарилась. Кто бы сомневался – Маргарет спикировала на нее сразу, не дав сделать и пары шагов в сторону угощения.

Кэтрин изобразила на лице восторг.

– О, да это же леди Маргарет! Как поживаешь, дорогая?

Маргарет Дроздобород, дочь графа Перекрестий, считалась ближайшей подругой Кэтрин с самого раннего детства. Но, к сожалению, они друг друга недолюбливали.

Беда Маргарет заключалась в том, что она была на редкость непривлекательна. Не так, как невзрачная гусеница, которая вот-вот превратится в прекрасную бабочку. Ее непривлекательность была другого сорта – из тех, что вызывают у окружающих чувство безнадежности. Острый подбородок выдавался вперед, в тени нависших густых бровей скрывались близко посаженные глазки размером с булавочную головку, плечи были широкие и грубые, а нескладно сидящая одежда лишь подчеркивала это. Если бы не платья, которые носила Маргарет, ее, пожалуй, можно было бы принять за мальчишку.

Непривлекательного мальчишку.

У матушки Кэт физические недостатки Маргарет были любимой темой для разговоров («Она бы выглядела не так кошмарно, если бы потуже затягивала корсет»). Сама же Кэтрин находила куда более неприятным характер Маргарет – та с раннего детства считала себя очень, *очень* умной и очень, *очень* добродетельной. Самой умной и самой добродетельной в мире. И без усталости напоминала о том, насколько она умнее и добродетельнее вас.

Маргарет, любящая подруга, видела свое предназначение в том, чтобы указывать Кэтрин на ее недостатки. В надежде ее исправить. Как поступил бы любой настоящий друг.

– У меня все отлично, – сказала Маргарет, когда они обменялись любезностями. – Но должна донести до твоего сведения, что платье на тебе неуместно красное.

– Благодарю за то, что открыла мне глаза. – С лица Кэтрин не сходила ослепительная улыбка. – Я и сама это заметила.

Маргарет обеспокоенно нахмурилась и прищурила крохотные глазки.

– Должна предупредить тебя, дражайшая Кэтрин, что дерзкие попытки привлечь к себе внимание небезопасны! Непомерные гордыня и тщеславие могут пышным цветом расцвести в

твоем сердце. Куда разумнее облачиться в скромный наряд и позволить просиять внутренней красоте, чем пытаться скрыть ее внешним блеском.

– Благодарю тебя за совет. Я непременно его обдумаю. – Кэт удержалась, чтобы не бросить выразительный взгляд на платье самой Маргарет, унылое и черное, и на венчавшую ее голову унылую меховую шапочку.

– Очень надеюсь! И не забывай: золотая рыбка всегда остается золотой рыбкой.

Кэт слегка усмехнулась. Одна из очаровательных особенностей Маргарет состояла в том, что она была настоящим кладом высказываний, в которых Кэт не могла найти ни малейшего смысла. Невозможно было разобраться, то ли все нравоучения Маргарет – полная чепуха, то ли Кэт слишком глупа, чтобы их понять. Маргарет, разумеется, сказала бы, что верно последнее.

Но Кэт не собиралась ее спрашивать.

– О. А ведь верно, – согласилась она, поглядывая на других гостей в надежде, что найдет предлог отделаться от Маргарет, пока та не разговорила. Если ее понесет, улизнуть уже не удастся.

Неподалеку, рядом с ледяной скульптурой в форме сердца, пили наливку сэр Сорока и его супруга, но подойти к ним Кэтрин не решалась – возможно, это только выдумки, но рядом с Сороками драгоценности порой исчезали самым таинственным образом.

Отец Кэт развлекал разговорами Четверку, Семерку и Восьмерку Бубен. Когда Кэт их заметила, отец почти добрался до соли в своей шутке, но Четверка, не дожидаясь развязки, уже повалился на плоскую спину, хохоча и дрыгая в воздухе ногами. Поняв, что сам он нипочем не поднимется, Восьмерка поспешил на помощь, все еще посмеиваясь.

Кэтрин вздохнула – она не владела искусством так легко впадать в раж от анекдота, рассказанного не до конца.

Рядом с ними она увидела благороднейшего Пигмалиона Свинорыла, герцога Клыкании, которого Кэт всегда считала неуклюжим, чванливым и к тому же прескверным собеседником. Их взгляды вдруг встретились, и Кэтрин с удивлением поняла, что Герцог издали наблюдал за ними с Маргарет.

Трудно было сказать, кто из них отвел глаза более поспешно.

– Вы кого-то ищете, леди Кэтрин? – Маргарет придвинулась на дюйм ближе – чересчур близко, так что ее острый подбородок улегся Кэтрин на плечо – и проследила за ее взглядом.

– Нет, нет. Я просто... наблюдала.

– Наблюдали за кем?

– Ну, хорошо. Мундир на герцоге сидит просто превосходно, вы не находите? – спросила она светским тоном, отодвигаясь от подбородка Маргарет.

Маргарет возмущенно сморщила нос.

– Как вам только удалось заметить его мундир? Когда я смотрю на герцога, то вижу лишь, как он воротит нос от всех окружающих, как будто быть герцогом Клыкании – такое уж великое достижение.

Кэт склонила голову.

– Мне кажется, такой нос у него от природы. – Она прижала палец к собственному носу и приподняла получившийся пятачок вверх, проверяя свою мысль. Однако это не помогло ей *унюхать* собственную исключительность...

Маргарет побледнела.

– Кэтрин, стыдитесь. Нельзя же вот так передразнивать всех и каждого! По крайней мере, делайте это не на людях.

– Что вы! У меня и в мыслях не было никого обижать. Просто у герцога нос рыльцем, только и всего. Наверное, у него великолепное обоняние. Интересно, может ли он таким носом унюхать трюфели?

Кэт продолжала бы оправдываться, но тут кто-то постучал ее по плечу.

Повернувшись, она уткнулась в черную тунику, за которой скрывалась могучая грудь. Подняв глаза выше, Кэт увидела мрачную физиономию с повязкой на одном глазу и копной волос, торчащих из-под белого берета.

Перед ней стоял Джек, Червонный валет, произведенный в рыцари из жалости – он лишился глаза во время игры в шарady.

Настроение у нее испортилось окончательно. Бал был просто ужасным, и с самого начала не задался.

– Привет, Джек.

– Леди Пинкертон, – проревел Джек, обдав ее запахом вина с пряностями. Затем его глаз устремился на Маргарет: – Леди Дроздобород.

Маргарет скрестила руки на груди.

– Какая вопиющая бестактность – прерывать чужую беседу, Джек.

– Я подошел, чтобы сообщить леди Пинкертон, что сегодня черно-белый бал.

Кэт потупила глаза и постаралась придать лицу смиренное выражение, хотя с каждым новым напоминанием она все меньше смущалась и все больше раздражалась.

– Очевидно, произошло недоразумение.

– Вы выглядите по-дурацки, – заявил Джек.

Кэтрин ошетибилась.

– Это не повод грубить!

Джек хмыкнул и снова оглядел ее платье, а потом продолжил:

– Вы и вполтину не так хороши, как воображаете, леди Пинкертон. Не хороши даже на четвертушку. И мне не нужен второй глаз, чтобы это видеть.

– Уверю вас, я вовсе не...

– Все думают, как я, только не решаются сказать вам в это лицо. Но я вас ни капли не боюсь.

– Я никогда не...

– Вы мне вообще не нравитесь.

Стиснув зубы, Кэтрин терпеливо вздохнула.

– Да, я помню, Джек. Вы уже говорили об этом в прошлый раз. И в позапрошлый тоже. И еще до того. Вы не устаете напоминать, до чего я вам не нравлюсь, с тех самых пор, как нам было по шесть лет, и мы плясали вокруг майского дерева, если я не ошибаюсь.

– Да. Точно. Потому что это правда. – Джек густо покраснел. – И еще вы пахнете, как ромашка. Бывают, знаете, такие противные ромашки, с вонючими цветками.

– Разумеется, какие же еще, – кивнула Кэтрин. – Боже избави, я и не подумала, что это комплимент.

Джек зарычал, потом протянул руку и дернул Кэт за локон.

– Ой!

Валет развернулся и ушел. Кэтрин не успела придумать ответ, а потом очень жалела, что не проводила его хорошим пинком.

– Вот чурбан! – заметила Маргарет после его ухода.

– Самый настоящий, – с чувством согласилась Кэтрин, потирая голову и пытаясь понять, сколько времени она уже здесь и сколько еще осталось.

– И, конечно, – продолжала Маргарет, – абсолютно недостойно с вашей стороны поощрять подобное поведение.

– Я его не поощряла! – возмутилась Кэтрин.

– Вы так думаете? Тогда вы должны согласиться с тем, что согласиться с этим нельзя, – заявила Маргарет. – А мораль...

Но она не успела сморозить очередную глупость, потому что в зале снова прозвучали фанфары. Стоя на верхней ступеньке лестницы, Белый Кролик торжественно прогнусавил:

– ЕГО СИЯТЕЛЬНОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ЧЕРВОННЫЙ КОРОЛЬ!

Белый Кролик снова затрубил, потом прижал трубу к боку и поклонился. Кэт обернулась, чтобы посмотреть на остальных гостей, когда Король появился на верхней площадке своей личной лестницы. Вся шахматная доска из черно-белых аристократов пошла рябью от поклонов и реверансов.

Король был при полном параде – в белой меховой мантии, панталонах в черную и белую полоску, сверкающих белых туфлях с алмазными пряжками, в руке он держал скипетр, увенчанный алым сердцем. Надо всем этим красовалась корона, тоже украшенная рубинами, бриллиантами и красным бархатом, с навершием в виде сердца.

Наряд был бы сногшибательным, вот только мех на воротнике слегка вытерся, панталоны пузырились на коленях, а корона, которая всегда казалась Кэтрин слишком тяжелой для маленькой головы Короля, съехала на сторону. В довершение всего, когда Кэтрин, сделав реверанс, встала, его величество ухмыльнулся, как деревенский простачок.

Король так улыбался. И улыбался он ей!

Кэтрин застыла, а Король проворно скатился вниз по ступеням. Толпа расступилась, пропуская его, и не успела Кэтрин отойти в сторонку, как Король уже стоял перед ней.

– Неплохой вечерок, леди Пинкертон! – Король приподнялся на цыпочках, от чего его малый рост только сильнее бросался в глаза. Он был по меньшей мере на два ладони ниже Кэтрин, а ведь поговаривали, что у его сшитых по особому заказу башмаков подошвы толщиной в два дюйма.

– Добрый вечер, Ваше Величество. Как поживаете? – Кэт снова склонилась в реверансе.

Белый Кролик – он следовал за Королем по пятам – прочистил горло.

– Его Королевское Величество просит леди Кэтрин Пинкертон танцевать с ним первую кадрили.

Кэт округлила глаза.

– Ах... благодарю, Ваше Величество! – и Кэтрин низко присела в третий раз. Она привыкла подкреплять реверансами все, что говорила в присутствии Короля. Не потому, что боялась его. Совсем наоборот. Король, старше ее лет на пятнадцать, был кругленьким, розовощеким и постоянно хихикал. Кэтрин совсем его не боялась, и как раз поэтому старалась вести себя при нем как можно лучше – чтобы ненароком не забыть, что он ее монарх и властитель.

Червонный Король сунул Белому Кролику скипетр, взял Кэтрин за руку и повел на площадку для танцев. Кэт могла бы сказать себе, что оказаться подальше от Маргарет – это благо, но общество Короля радовало ее немногим больше.

Нет, неправда. Король был очень мил. И прост. И, что особенно важно, *счастлив*, ведь счастливый король – это счастливое королевство.

Просто он был не очень умен.

Когда они заняли место первой пары среди танцующих, Кэт обомлела от неожиданной мысли. Она танцует с Королем. Все глаза устремлены на них, и каждый, наверное, думает, что она выбрала платье специально, чтобы Король обратил на нее внимание.

– Вы прелестно выглядите, леди Пинкертон, – сказал Король. Обращался он скорее к ее бюсту, чем к лицу – по причине небольшого роста, конечно, а не от недостатка воспитания, но это не мешало Кэтрин зардеться.

Почему, ну почему она хоть раз не пошла против воли матери?

– Благодарю, Ваше Величество, – пробормотала она упавшим голосом.

– Я просто в восторге от красного цвета, – сообщил ей Король.

– Ах... кто же его не любит, Ваше Величество?

Он радостно захихикал, и Кэтрин порадовалась, что заиграла музыка, и танцоры начали выписывать первую фигуру. Они с королем разошлись в разные стороны и прошагали вдоль внешней линии пар – слишком далеко друг от друга, чтобы поддерживать разговор. Кэтрин

чувствовала, что корсет ползет вверх, и прижимала ладони к бокам, пытаясь удержать его на месте.

– Чудесный бал, – заметила она, вновь оказавшись рядом с Королем и взявшись с ним за руки. У Короля они были мягкими и влажными.

– Вы так думаете? – просиял он. – Мне всегда нравились черно-белые балы. Они такие... такие...

– Бесцветные? – предположила Кэтрин.

– Да! – монарх мечтательно вздохнул, глядя на нее. – Вы просто угадываете мои мысли, леди Пинкертон.

Кэт отвернулась.

Они поднырнули под поднятые руки следующей пары и разомкнули свои, чтобы покружиться вокруг мистера и миссис Барсук.

– Я должен спросить, – начал Король, когда они снова оказались рядом, – Не смею надеяться, но вдруг... совершенно случайно... вы приготовили какое-нибудь лакомство к сегодняшнему вечеру?

Он не сводил с нее глаз, закрученные усики трепетали в надежде.

Кэтрин радостно улыбнулась, и они подняли руки, чтобы следующая пара могла поднырнуть под них. Кэт знала, что Королю приходится привставать на цыпочки, но из приличия не смотрела вниз.

– Ваше Величество, утром я испекла три лимонных торта, и моя служанка уже должна была доставить их к вашему пиршественному столу. Полагаю, они уже поданы.

Король просиял и стал крутить головой, пытаясь увидеть что-нибудь на длинном столе. Увы, они были слишком далеко, чтобы разглядеть три маленьких тортика.

– Сказочно! – Король отстал, пропустив несколько па, так что Кэтрин пришлось замереть в неловкой позе и ждать, когда он ее нагонит.

– Надеюсь, они вам понравятся.

Король потряс головой, как будто очнувшись.

– Леди Пинкертон, вы сокровище.

Кэт сдержала улыбку, но мечтательность в королевском голосе ее смутила.

– Должен признаться, что питаю особую слабость к лимонным тортам... и к апельсинам! – У Короля заколыхались щеки. – Обожаю апельсины-корольки! Недаром говорят: король – ключ к сердцу короля.

Кэт никогда не слышала, чтобы так говорили, но кивнула, соглашаясь.

– Так оно и есть!

Король одарил ее сияющей улыбкой.

К концу кадрили Кэтрин чуть не падала от усилий казаться веселой и любезной. Наконец, к ее облегчению, Король чмокнул воздух возле ее руки и поблагодарил за доставленное удовольствие.

– Я должен разыскать ваши вкуснейшие торты, леди Пинкертон, но, надеюсь, вы не откажетесь протанцевать со мной и заключительный танец?

– С удовольствием. Почту за честь.

Король восторженно захихикал, поправил корону и, пританцовывая, направился к столу.

Кэт выдохнула – счастье, что первая кадрили позади. Может, удастся уговорить родителей уйти домой до заключительного танца. Собственное коварство заставило ее почувствовать себя виноватой – множество девушек мечтали бы обратить на себя благосклонное внимание Короля.

Он не был противным партнером по танцам – просто утомительным.

Решив, что свежий воздух поможет ее щекам вернуть прежнюю форму после того, как она столько времени улыбалась без остановки, Кэт начала пробираться сквозь толпу черных

кринолинов и белых остроконечных шляп к балкону. Но не успела она сделать и дюжины шагов, как свечи в люстрах и канделябрах мигнули и погасли.

Глава 4

Музыка взвизгнула и стихла. В темноте, накрывшей зал, раздались крики гостей.

Потом воцарилась тревожная тишина, слышались только ахи и вздохи, да шуршание юбок. Вдруг что-то вспыхнуло, замерцало. Свечи стали снова загораться, постепенно, по спирали от самой центральной люстры. И вот под высоким сводом потолка засиял призрачный свет, оставляя гостей в глубокой тени.

С центральной освещенной люстры вниз свисал огромный обруч – Кэтрин могла поклясться, что раньше его там не было. В обруче, непринужденно раскинувшись, как в кресле, покачивался шут.

Черные узкие штаны заправлены в кожаные сапоги, черная куртка перетянута широким ремнем. Были и перчатки – тоже черные, а не белые, как у придворных. В мерцании свечей его кожа отливала янтарем, а глаза были подведены углем, до того густо, что лицо походило на маску. Сначала Кэт показалось, что и волосы у него черные, но она тут же разглядела на его голове шутовской колпак – с тремя рогами и маленькими серебряными бубенчиками на конце каждого рога. Шут сидел так неподвижно, что бубенцы ни разу не звякнули, да и в темноте, когда погасли свечи, Кэтрин не слышала их перезвона.

Когда – *как* – он туда попал?

Незнакомец повисел молча еще некоторое время, позволяя себя рассмотреть. Обруч медленно вращался. У шута был пронзительный взгляд, и Кэтрин затаила дыхание, когда этот взгляд отыскал ее и задержался на ней. Сузив глаза, шут разглядывал огненно-красное платье.

Кэт поежилась, но вдруг ей захотелось помахать ему рукой. Подтверждая: да-да, она знает, что этот наряд *непозволительно* красен. Она уже почти подняла руку, но шут отвернулся.

Кэт с облегчением выдохнула и опустила руку.

Обруч совершил полный круг, и уголки губ незнакомца приподнялись в едва заметной улыбке. Он склонил голову. Бубенцы зазвенели.

Толпа, не сводившая с него глаз, тихо вздохнула.

– Дамы. Господа. – Он говорил очень четко. – Ваше славнейшее Величество.

Король привстал на цыпочки, как ребенок в ожидании подарка.

Шут начал раскачиваться. Одно неуловимое движение, и он уже стоит в полный рост. Обруч лениво повернулся еще на пол-оборота. Все молчали, замороженные поскрипыванием привязанной к люстре веревки.

– Чем ворон похож на письменный стол?

Обруч перестал вращаться.

Своим вопросом шут накрыл зал, словно одеялом. Молчание можно было потрогать. Незнакомец вновь смотрел прямо на Кэтрин, и ей казалось, что она различает в его глазах отблеск огня.

Наконец, сообразив, что им загадали загадку, гости начали перешептываться. Приглушенные голоса повторяли вопрос. *Чем ворон похож на письменный стол?*

Никто не решался ответить.

Когда стало ясно, что никто и не попытается, шут протянул к гостям руку, сжатую в кулак. Те, кто стоял прямо под ним, расступились.

– Нотами. Один может издать несколько нот, за другим ноты пишут.

Он разжал кулак, и целая выюга исписанных белых листков посыпалась прямо вниз. Толпа дружно ахнула, замахала руками, но листки не долетели до низу. Прямо в воздухе от них отделилась стайка крохотных черных галочек – нотных знаков. Белые листочки, кружась, слетали вниз, превращаясь в конфетти, а ноты вспорхнули к потолку и облепили его. Гости уже совер-

шенно успокоились и шумно восхищались. Некоторые мужчины даже принялись размахивать шляпами, пытаясь наловить побольше листочков.

Кэтрин, радостно смеясь, подняла лицо к потолку. Ей показалось, что она попала в снежную метель – только теплую. Она раскинула руки и стала кружиться. Красная юбка раздувалась, и это ей тоже очень нравилось.

Описав три полных круга, Кэт остановилась и, проведя по волосам, достала конфетти – белый листочек не больше ногтя, с изображенным на ней красным сердечком.

Последние конфетти оседали на пол. Кое-где в зале их набралось по щиколотку.

Шут по-прежнему смотрел на всех сверху, из своего обруча. Во время суматохи он снял трехрогий колпак, выпустив на волю встрепанные выющиеся волосы (он действительно оказался брюнетом).

– Впрочем, замечу, – сказал он, когда толпа утихомирилась, – ноты частенько бывают фальшивыми.

Бубенцы на колпаке весело тренькнули, и вдруг, откуда ни возьмись, из него вылетела громадная черная птица. Каркая, ворон стал подниматься к потолку. Зрители от неожиданности закричали. Ворон облетел зал, взмахами огромных крыльев поднимая с пола вороха конфетти. Сделав еще круг, птица уселась на обруч над шутком.

Публика восторженно зааплодировала. Ошеломленная Кэтрин почти не замечала, что тоже хлопает в ладоши.

Снова натянув колпак на голову, шут соскочил с обруча и повис на одной руке. У Кэт оборвалось сердце. Обруч висит так высоко, вдруг он упадет? Однако когда шут отпустил руку, оказалось, что к обручу привязан красный бархатный шарф. Шут закачался на нем и стал спускаться, выбрасывая поочередно белые и черные шарфы, связанные между собой. Казалось, они возникают у него прямо из кончиков пальцев. Наконец, он спустился настолько, что смог спрыгнуть в сугроб из бумажных листочков.

Стоило его сапогам коснуться пола, как в зале зажегся свет – свечи передавали пламя по цепочке до тех пор, пока все кругом снова не засверкало.

Зрители вновь принялись хлопать. Шут склонился в поклоне.

А когда выпрямился, в руках у него был берет цвета слоновой кости, украшенный серебряной тесьмой. Шут крутил берет на пальце.

– Прошу меня простить, не потерял ли кто шляпу? – спросил он, перекрывая овации.

После короткого общего замешательства раздался оскорбленный рев.

Посреди зала стоял Джек, запустив руки в свою всклокоченную шевелюру. Поднялся смех, а Кэтрин припомнила слова Мэри-Энн о том, что Джек собирается стянуть колпак у шута.

– Примите самые искренние извинения, – лукаво улыбаясь, продолжал шут. – Прошу, получите ваш берет. Понятия не имею, как он у меня оказался.

Джек напролом лез сквозь смеющуюся толпу, и его физиономия багровела.

Но стоило ему протянуть руку, как шут отдернул свою и перевернул берет.

– Но подождите – кажется, внутри что-то есть. Сюрприз? Подарок? – он зажмурил один глаз и заглянул внутрь шляпы. – Ух ты, да там безбилетник!

Шут запустил руку в берет. Рука скрылась там почти целиком – она ушла намного глубже, чем позволяла глубина берета, – а затем показалась снова, сжимая в кулаке два длинных мохнатых уха.

Толпа подалась вперед.

– Ах, мои усики, ах, мои ушки, – приговаривал шут. – До чего банально. Знай я, что там всего-навсего кролик, оставил бы его там. Но теперь уж ничего не попишешь, придется...

Уши, за которые потянул шут, принадлежали не кому-нибудь, а самому Белому Кролику, придворному церемониймейстеру. Отфыркиваясь, Кролик возмущенно тарашил на толпу розовые глазки, словно не мог взять в толк, как это он в разгар бала оказался в чьем-то берете.

Чтобы сдержать неподобающее леди фыркание, Кэтрин зажала рот обеими руками.

– Боже... никогда еще я... – забормотал Кролик, нервно стуча задней лапой, когда Шут поставил его на пол. Вызволив уши из кулака, он расправил камзол и чихнул. – Какая дерзость! Я доложу его величеству об этом ужасном и неподобающем проявлении неуважения!

Шут отвесил ему поклон.

– Приношу искреннее извинение, почтенный Кролик. Я совершенно не хотел оскорбить вас. Позвольте мне загладить вину, вручив вам подарок в знак примирения. Уверен, что здесь найдется кое-что...

Джек снова попытался вырвать у шута свой берет, но шут небрежно отдернул руку в сторону и потряс беретом у себя над ухом.

– Ага. То, что нужно. – Снова запустив руку в берет, он извлек оттуда чудесные карманные часы на цепочке. С эффектным поклоном шут преподнес часы Белому Кролику. – Умоляю принять. Обратите внимание, на них уже установлено правильное время.

Господин Кролик фыркнул, однако, заметив, как сверкнули брильянты на крышке часов, проворно выхватил их у шута.

– Хм... ладно. Будем считать... поглядим... а часы *и впрямь* недурны... – Кролик покусал цепочку большими передними зубами и, вероятно, удостоверившись, что это чистое золото, спрятал часы в карман. Прежде чем смешаться с толпой, он все же бросил на Шута укоризненный взгляд.

– Получите, господин валет, Проворнейший-из-Проворных, – и шут протянул Джеку берет. Тот выхватил его и тут же надел.

– Может, вам такое нравится, но... – снова заговорил шут, подняв палец.

У Джека вдруг округлились глаза, и он поспешно сдернул многострадальный головной убор. Оказалось, на макушке у него горящая свеча в серебряном подсвечнике. Пламя успело прожечь в берете большую дыру.

– Что такое, я пыталась уснуть! – возмущенно закричала свеча.

– Прошу прощения! – Шут протянул руку и, не снимая кожаной перчатки, двумя пальцами погасил огонек. Над головой вала закурился дымок, у него начал подергиваться уголок глаза. – Странно. Я-то думал, что это *вы* собираетесь перепрыгнуть через свечу, но сегодня все кувырком, все вверх ногами.

Гости хохотали до колик, сгибались пополам от смеха и даже не слышали, как каркнул ворон – птица слетела с люстры и спикировала вниз. Кэтрин попятилась, когда ворон, едва не задев ее крылом, подлетел к шуту. Тот даже не поморщился, когда ворон острыми когтями впился ему в плечо.

– А теперь мы хотим пожелать всем вам спокойной ночи и дать напоследок добрый совет! – С этими словами шут направил свой колпак на публику. – Всегда проверяйте шляпу, прежде чем надеть ее на голову. Никогда не знаешь, что может оказаться внутри.

Бубенцы зазвенели, когда шут, выпрямившись, обвел взглядом собравшихся.

Кэтрин вздрогнула, когда он повернулся и *подмигнул* ей?

Легче было подумать, что это ей показалось.

Шут едва заметно улыбнулся, а потом, прямо у Кэт на глазах, растворился в облаке чернильной тьмы. В мгновение ока он превратился в крылатую тень – второго ворона.

Огромные птицы подлетели к окну и были таковы.

Глава 5

Все только и говорили, что о новом придворном шуте. Забыли даже про танцы – ведь гости обнаружили, что на конфетти изображены не только алые сердечки – на некоторых были синие бубновые ромбы, красные пики или черные крестики, трефы. На других красовался силуэт ворона. Кроме того имелись корона, скипетр, трехрогий шутовской колпачок. Кое-кто бросился собирать полную коллекцию, разыскивая картинки, которых у них еще не было.

Смешливый Король радовался больше всех – Кэтрин и не помнила его таким веселым. Его пронзительный голос был слышен даже издали. Король снова и снова требовал от гостей подтверждения, что ничего более поразительного они в жизни не видывали.

У Кэтрин так бурчало в животе, что косточки корсета ходили ходуном. Представление так ее увлекло, что на время она забыла и о пыточном платье, и о голоде. Теперь она старалась незаметно поправить тугой корсет, одновременно подбираясь к угощению. У стола Кэт обнаружила Мэри-Энн, которая раскладывала на блюде трюфели. Долговязая, с соломенными волосами, выбившимися из-под чепца, она выделялась на фоне остальных служанок.

Увидев Кэтрин, Мэри-Энн пригнулась и притворилась, будто расправляет складки на скатерти.

– Как вам представление? – шепнула она.

Пальцы Кэт сами собой потянулись к блюдам с едой.

– Я думала, придворные шуты умеют только сквернословить, да смеяться над Королем.

– Интересно, какие еще фокусы он припас в рукаве... Точнее, в берете? – Мэри-Энн подхватила поднос и присела в реверансе. – Желаете трюфель, миледи?

– Ты же знаешь, мне нельзя.

– Тогда просто сделайте вид, что размышляете, чтобы я могла задержаться подольше. Королевские служанки то и дело гоняют нас, помощниц, на кухню за добавкой, и если я еще хоть раз там окажусь, наверняка растаю от жары. А я уверена, здесь и так всего вдоволь, и гостям этого предостаточно, и даже слишком. Ужасная расточительность!

Кэтрин сцепила пальцы.

– Они с карамелью?

– Насколько я знаю, да.

– Как ты думаешь, а что если шоколадный трюфель присыпать сверху морской солью?

Самую чуточку?

Мэри-Энн неодобрительно наморщила нос.

– Если так, можно его и в перце обвалить.

– Просто в голову пришло. – Кэтрин прикусила верхнюю губу, пожирая глазами конфеты. Конечно же, морская соль, Мэри-Энн просто не понимает. Кладовая в Черепашьей Бухте всегда ломилась от таких конфет – море там совсем рядом, вот Кэт однажды и решила провести эксперимент. Подсолненное горячее какао ей неожиданно понравилось. И трюфелям это тоже не повредит. Капелька соли оттенит их сладость, а легкий хруст кристалликов поспорит с тягучей карамелью... о, непременно надо испечь подсолненный карамельно-шоколадный торт. Он станет одним из фирменных блюд в их кондитерской!

Желудок вновь напомнил о себе урчанием.

– Кэт?

– А?

– По-моему, у вас вот потекут слюнки, и мне это не нравится – на платье могут остаться пятна!

Кэт застонала.

– Что же делать? Я умираю от голода! – и она обхватила себя руками.

Мэри-Энн сочувственно сдвинула брови, но тут же заулыбалась.

– И все-таки платье выбрано очень удачно. Вы танцевали в первой паре с самим Королем!

Кэтрин удалось подавить новый приступ урчания. Какой смысл жаловаться по поводу кадрили с Королем – ведь это сущая ерунда по сравнению необходимостью таскать тяжеленные подносы в кухонном пекле.

У другого конца стола она заметила тучную фигуру и заинтересовалась:

– Это еще кто?

Мэри-Энн взглянула украдкой и подвинулась поближе к Кэтрин.

– Его зовут Питер Питер¹, а крошка рядом с ним – это его жена. Ее имени я не расслышала.

– Крошка? Ах...

Жена, о которой говорила Мэри-Энн, оказалась совсем малышкой, почти незаметной рядом с огромным супругом. Спина у нее была сгорблена – не от возраста, подумала Кэт, скорее, от тяжких трудов – а по обе стороны бледного, как бумага, личика свешивались пряди светлых волос. Вообще, вид у нее был больной. Она прижимала руку к животу и даже не смотрела в сторону стола. Лицо у нее блестело от пота.

А вот ее муж был настоящей громадиной. Он возвышался над всеми, и даже осанистый отец Кэт рядом ним показался бы карликом. Черный костюм для верховой езды сидел на нем в обтяжку, и на особо выдающихся местах ткань чуть не лопалась. Кэтрин заподозрила, что при быстрой ходьбе многие швы не выдержат напора. Сердито набычившись, Питер посматривал вокруг из-под шапки рыжих курчавых волос, которым не помешали бы мыло и расческа.

Казалось, им с супругой было совсем не весело на королевском балу.

– Кто же они такие? – шепотом спросила Кэтрин.

– Сэр Питер – владелец тыквенного поля где-то за Лесом Никуды. Поваренок на кухне шепнул, что дворянство ему пожаловали всего полмесяца назад в награду за то, что жена победила в состязании по поеданию тыкв. Насколько я знаю, Джек занял второе место и постоянно требует реванша. – Мэри-Энн хмыкнула. – Вот бы мне кто пожаловал дворянство за то, сколько я ем.

Кэтрин тихо засмеялась. Глядя на фигуру Мэри-Энн, никто бы не догадался, что у нее такой же завидный аппетит, как у самой Кэт. Несколько лет назад, когда Мэри-Энн взяли к ним в служанки, они потому и сблизились, что обе любили хорошо поесть.

Над ними нависла тень, и смешок Кэтрин застрял у нее в горле. К подносу Мэри-Энн протянулись толстые пальцы.

– Что это тут?

Мэри-Энн пискнула, Кэтрин зарделась, но сэр Питер, не удостоивая их вниманием, принялся рассматривать конфеты. Может, он и слышал, как о нем судачили, но не подал виду.

– Это, э-э-э, карамельные трюфели, сэр, – пролепетала Мэри-Энн.

– Несоленные, – уточнила Кэт, – К сожалению.

Вблизи она разглядела каждый волосок на подбородке сэра Питера и грязь у него под ногтями – видно, новоиспеченный дворянин был так занят возней на тыквенной грядке, что не удосужился помыться перед своим первым королевским балом.

– Сэр Питер, если не ошибаюсь? – запинаясь, пробормотала Кэтрин. – Я до сих не имела удовольствия с вами познакомиться.

Прищуриив крохотные глазки, Питер черным от грязи пальцем подцепил с подноса трюфель и отправил в рот. Кэтрин моргнула.

¹ Питер, любитель тыквы – герой одного из стихотворений сборника «Сказки Матушки Гусыни»: Питер Питер жениться решил, Жену обзавелся, а дом не купил. В тыкву жену поселил он тогда: Очень удобно – и дом, и еда. *Здесь и далее прим. переводчика.*

Мэри-Энн, потупив глаза, хотела отойти от стола.

– Умф, м-м-м, обожди!

Мэри-Энн замерла на месте.

Сэр Питер, перемазанный шоколадом, глядел на поднос.

– Хочу еще таких. Это ж все дармовое? Как там – комплимент от Короля?..

Мэри-Энн сделала реверанс.

– Конечно, сэр. Угощайтесь! Берите, сколько хотите. Может быть, принести вам еще чего-нибудь?

– Не надо. – Он нацелился на очередной трюфель и проглотил его, не жуя.

Леди Питер, спрятавшись в тени супруга, смотрела, как трюфели исчезают в его пасти. Побледнев так, что стала казалась зеленой, она нерешительно посмотрела на Мэри-Энн.

– Нет ли у вас пирожков с тыквой? – пробормотала она еле слышно. – Вчера мы продали королевскому повару несколько тыкв и слышали, что он собирается печь пирожки для бала, но я не вижу...

– Никакой тыквы, хватит с тебя! – грозно зарычал на нее муж, брызгая слюной на поднос с трюфелями. (Кэт и Мэри-Энн поморщились.) – Ты и так уж ею объелась.

Леди Питер стушеввалась.

Набравшись храбрости, Кэт встала между Питером Питером и трюфелями:

– Мэри-Энн, ты непременно должна угостить этими конфетами Валета. Он так любит карамель.

С благодарностью посмотрев на нее, Мэри-Энн быстренько унесла поднос.

Кэтрин присела.

– Я Кэтрин Пинкертон, дочь Маркиза Черепашьей Бухты. Я слышала, вам недавно пожаловано дворянство?

Кусты рыжих бровей подозрительно нахмурились.

– Возможно.

– А это, должно быть, ваша супруга? Очень приятно познакомиться с вами, леди Питер.

Женщина испуганно втянула голову в плечи. Ни поклона, ни улыбки – она только съежилась и продолжала рассматривать яства, хотя Кэт заметила, что при виде еды странная дама сдерживала отрыжку.

Кэтрин не знала, что и подумать.

– С вами все в порядке, леди Питер? Кажется, вы побледнели? Здесь так жарко! Если позволите, я могла бы проводить вас на балкон...

– Все у ей хорошо! – отрывисто рявкнул сэр Питер. – Просто слишком уж нажимает на тыкву, будто не знает, что оно ей боком выйдет.

– Понятно, – сказала Кэтрин, хотя ничего не поняла. – Поздравляю с победой на конкурсе, леди Питер. Вы, вероятно, съели много. Я и сама обожаю тыквенные пироги.

Питер на мгновение отвлекся, ковыряя ногтем в зубах, и Кэтрин охватило странное чувство, что он прикидывает, как бы приготовить и съесть *ее*.

– Она ест сырую, – заявил Питер с гордостью. – Едали вы когда-нить сырую тыкву, леди... *Пинкертон?*

– Сомневаюсь, чтобы мне приходилось. – Кэт пекла тыквенные пироги, а как-то раз приготовила тыквенный мусс, но волокнистая мякоть и скользкие семечки не вызывали у нее аппетита. Заглянув за спину сэра Питера, она обратилась к его супруге. – Понимаю, от такого лакомства можно занемочь. Жаль, что из-за нездоровья вы не можете отведать угощений с королевского стола.

Подняв на нее глаза, леди Питер жалобно застонала и снова уронила голову. Казалось, она того и гляди лишится чувств среди праздничного великолепия.

– Может быть, вы хотите присесть? – предложила Кэтрин.

Слабым голоском леди Питер ответила:

– Вы уверены, что нигде поблизости нет ни одного пирожка с тыквой? Мне бы хоть один, и сразу стало бы куда легче...

– Видите? Не о чем с ей толковать, – вмешался сэр Питер. – Глупа, как долбленая тыква. Его жена зябко ежась, обхватила себя руками.

Кэтрин охватил гнев. Она живо представила себе, как толстяк давится карамельным трюфелем, а они с женой стоят и хохочут над ним. Мечтать ей помешали бубновые Девятка и Десятка, которые расталкивая всех, пробирались к столу.

– Извините, простите, – бормоча извинения, Девятка тянулся к сочному медовому инжиру.

Кэт шагнула в сторону, освобождая ему место.

– Они что, всегда такие дерзкие? – сэр Питер сверлил взглядом спину придворного.

Десятка обернулся к нему, улыбаясь во весь рот, и приветственно поднял бокал вина.

– Вовсе нет, – ответил он. – Прежде мы дерзили куда больше.

Кэт чуть не сгорела от стыда. Придворные тут же сбежали, оставив красного от возмущения Питера. Кэт заставила себя улыбнуться.

– Придворные иногда бывают чван... высокомерны. С незнакомцами. Уверена, у него и в мыслях не было ничего дурного.

– А мне сдается, что было, – буркнул Питер. – И сдается, что не у его одного.

Он долго с подозрением рассматривал ее, потом, наконец, поднял ручищу и коснулся шляпы.

– Мое почтение, *миледи*.

Это был первый вежливый жест с его стороны. Поверить, что он на него способен, было примерно так же просто, как поверить, что герцог Клыкании умеет летать.

Сэр Питер подхватил под руку жену и потащил прочь. Кэтрин их уход ничуть не огорчил.

Глава 6

Кэт даже позволила себе вздох облегчения. Она и так с трудом дышала в корсете, а от общения с сэром Питером и вовсе чуть не задохнулась.

– Благодарю, очень приятно.

– Он здесь, как белая ворона, не находишь?

Обернувшись, Кэт обнаружила, что в воздухе парит серебряное блюдо с аппетитными поджаристыми пирожками.

– Привет, Чеширчик! – Кэтрин обрадовалась, что хоть один собеседник за весь вечер не будет раздражать ее и выводить из себя. Впрочем, Чеширский Кот тоже умел это делать, на свой лад. – Ты тоже приглашен?

– Вряд ли.

Перед ней появился Кот. Он развалился на собственном полосатом хвосте, изогнутом в форме стула, а блюдо пристроил себе на живот. Последней стала видна голова – уши, усы, нос и, наконец, широкий зубастый рот.

– Ты выглядишь нелепо, – мурлыкнул Чеширский Кот, подцепив когтями пирожок и отправляя его в гигантскую пасть. Оттуда вырвалось облачко ароматного пара – от Кота пахло сладким тыквенным пюре.

– Платье – это матушкина затея, – объяснила Кэтрин и попыталась вдохнуть как можно глубже. У нее начинала кружиться голова. – Кстати, пирожки случайно не с тыквой? Леди Питер про них спрашивала. Пахнут чудесно.

– Да, именно они. Я бы предложил тебе один, но не хочу.

– Это очень невежливо. А раз у тебя нет приглашения, советую поставить блюдо на место и снова исчезнуть, пока никто не заметил.

Кот беззаботно заурчал.

– Я просто думал, что тебе будет интересно узнать... – он сладко зевнул, – что как раз сейчас Валет крадет твои торты.

– Как? – Кэт выпрямилась, оглядела стол, но Джека поблизости не было видно. Она нахмурилась.

А когда повернулась к Коту, он уже запихивал за щеку последние пирожки с подноса.

Закатив глаза, Кэтрин подождала, пока он все прожует и проглотит. Кот справился с этой задачей поразительно быстро и начал ковырять когтем в зубах.

– А что такого? – продолжил он. – Ты не ждала, надеюсь, что торты доживут до конца вечера?

Тут Кэт заметила, наконец, знакомый противень, у самого края стола. От ее лимонных тортов остались только крошки, три пустых круга в ореоле сахарной пудры, да несколько капель желтой глазури.

Увидеть противень пустым было горько, но приятно – как съесть дольку темного шоколада. Кэтрин всегда радовало, что ее десерты приходятся по вкусу, но в этом случае, после сна и лимонного дерева... ей хотелось и самой отведать хоть маленький кусочек.

У нее вырвался вздох огорчения.

– Ты-то хоть попробовал, Чеширчик?

Кот издал неопределенный звук.

– Я съел целый торт, дорогуша. Устоять было невозможно.

Кэт только руками всплеснула.

– Не кот, а откормленный поросенок.

– Фи, как вульгарно! – Кот изогнулся в воздухе, перевернулся, словно плавающее в океане бревно, и исчез, прихватив опустевшее блюдо.

– Что ты, собственно, имеешь против поросят? – сказала Кэт пустому пространству. – Если хочешь знать мое мнение, маленькие поросята почти такие же милые, как котята.

– Лучше уж я притворюсь, что этого не слышал.

Кэт резко повернулась на голос. Кот снова нарисовался, по другую сторону стола. Точнее, только голова и одна лапа, которую он начал вылизывать.

– Хотя лорд Свинорыл наверняка разделит бы твои чувства, – добавил он.

– Ты не знаешь, его величеству удалось попробовать торт?

– О да. Я наблюдал, как он стащил ломтик, а потом и второй, а там и третий – пока вы с Мэри-Энн развлекались, обсуждая тыквоеда. – Кот говорил, а его тело постепенно появлялось в воздухе. – Стыд и позор вам, сплетницы.

Кэтрин удивленно вздернула брови. Кот и сам был отъявленным сплетником. Отчасти по этой причине ей так нравилось с ним беседовать, хотя было и немного страшновато: не хотелось самой попасть ему на язычок.

– С чего ты набросился на нас, как злая собака?

– По-прежнему кошка, дорогуша, не злая и даже, возможно, та, что приносит удачу.

– Возможно, ты не черная кошка, – согласилась Кэтрин и наклонила голову, присматриваясь. – Но ты как-то изменился. Хоть и не целиком, но все же... отчасти ты вдруг стал рыжим, как тыква.

Скосив глаза к носу, Чеширский Кот поднес к ним внезапно порыжевший хвост.

– Действительно. И что же, ты считаешь, оранжевый – мой цвет?

– Тебе идет, хотя и не сочетается с цветами этой вечеринки. Хорошенькую пару мы с тобой сегодня составляем.

– Догадываюсь, что во всем виноваты тыквенные пирожки. Досадно, что они были не рыбными.

– А ты хотел бы стать рыбного цвета?

– Почему бы и нет – например, цвета радужной форели. В следующий раз, когда будешь что-то печь, добавь рыбы. Я бы не отказался от тортика с треской.

– Не боишься треснуть, когда будешь его трескать?

Кот проигнорировал насмешку.

– Кстати, ты слышала последние сплетни?

– Последние? – Кэтрин порылась в памяти. – О том, что господин Гусеница собирается продать мастерскую?

Голова Кота перевернулась вверх тормашками.

– Отстаешь от жизни. Я спрашивал о слухах про нового шута. Королевского шута.

Кэт навестила уши.

– Нет. Я ничего о нем не слышала.

– Вот и я тоже.

Кэт насупилась.

– Котик, тогда это не слухи, а их полная противоположность.

– Напротив. Я понятия не имею о том, кто он и откуда взялся. И это очень странно. – Кот лизнул лапу и помыл за ушами, а Кэтрин подумала, что умываться рядом с едой не очень-то вежливо. – Говорят, три дня назад он явился к дворцовым воротам и попросил аудиенции у Короля. Показал парочку фокусов – вроде бы перетасовал колоду бубновых придворных и попросил его величество вытянуть одну карту из колоды... Я в этом не очень разбираюсь и не запомнил подробности. Но его взяли на службу.

Кэтрин вспомнила шута, взирающего на всех сверху с серебряного обруча – как будто он ждал, что гости Короля будут развлекать его, а не наоборот. Он выглядел таким спокойным. Раньше у Кэт не возникало вопросов, но теперь любопытство Кота передалось и ей. Червонное королевство было совсем небольшим. Откуда же он взялся?

– А другие слухи слышала? – продолжал Чеширский Кот.

– Не знаю, что и сказать. Какие еще другие слухи?

Кот перекатился на живот и уткнулся мордой в пушистые лапы.

– Его наипрекраснейшее величество выбрал невесту.

Кэтрин широко открыла глаза.

– Да быть не может! И кто же она?

Кэт осмотрела зал. Это, конечно же, не Маргарет. Может, леди Адела из поместья Нога-за-Ногу или леди Верба с Песчаных холмов, или...

Или...

Она вдруг икнула.

По рукам и ногам побежали огромные мурашки.

Бешеная активность ее матери.

Первая кадрили.

Взволнованная улыбка Короля.

Кэтрин в ужасе повернулась к Коту. Его широчайшая улыбка показалась ей слегка издевательской.

– Ты шутишь? Этого не может быть.

– Разве? – Кот задумчиво посмотрел на люстру. – Я-то был уверен, что уж *пошутить-то* могу, во всяком случае.

– Чеширчик, это не смешно. Король не может... я не могу...

Прозвучали фанфары, эхом отражаясь от розовых кварцевых стен.

Голова у Кэтрин пошла кругом.

– Ой, нет.

– Ой, да.

– Котик! Почему ты мне раньше не сказал?

– Дамы и господа, – закричал Белый Кролик, писклявый голосок которого был слабо слышен после фанфар. – Его Королевское Величество желает сделать объявление.

– Следует ли мне тебя поздравить? – спросил Кот. – Или ты полагаешь, что преждевременные поздравления сулят беду? Вечно я забываю, как принято поступать в подобных случаях.

Кэтрин обдало жаром с головы до пят. Ей показалось, что кто-то еще ту же затянул корсет, дышать стало совсем трудно.

– Я не хочу. Чеширчик, я не хочу!

– Ты можешь отрепетировать и другие варианты ответа, пока стоишь здесь.

Толпа заплодировала. На верхнюю площадку лестницы вышел Король. Кэтрин завертела головой, пытаясь отыскать родителей, а когда увидела мать, сияющую и смахивающую с ресниц слезинки, происходящее перестало казаться ей сном.

Червонный Король собирается просить ее руки.

Но... Но Король не может так поступить. Он никогда даже не говорил с ней ни о чем, только хвалил ее торты и приглашал на танец. Он за ней не ухаживал... впрочем, должны ли короли ухаживать? Этого Кэт не знала. Знала только, что внутри у нее все завязалось тройным узлом и еще – что думать о замужестве ей рано. Ей и в голову не приходило, что этот глуповатый человек может хотеть от нее чего-то большего, чем булочки и пирожные. Конечно, не брака или... о, боже, *детей*.

Сзади ей на шею упала капля пота.

– Котик, что мне делать?

– Сказать «да», я полагаю. Или сказать «нет». Мне неважно, что это будет. Ты уверена, что оранжевый мне идет?

И он снова стал рассматривать хвост.

Отчаяние когтистой лапой схватило Кэтрин за горло.

Король. Простодушный, чудаковатый, радостный, *счастливый* Король.

Ей муж? Ее единственный? Ее спутник в жизненных испытаниях, в горе и радости?

Она станет королевой, а королевы... королевы не открывают кондитерские на паях с закадычными подругами. Королевы не сплетничают с наполовину невидимыми котами. Королевам не снятся желтоглазые юноши, а проснувшись они не находят у себя в спальне лимонные деревья.

Горло у Кэт пересохло, как черствый кекс.

Король откашлялся.

– Добрый вечер, мои верноподданные! Я надеюсь, всем вам понравились сегодняшние развлечения!

Снова раздались овации, и Король тоже несколько раз хлопнул в ладоши и поклонился.

– Я желаю выступить с заявлением. Хорошим заявлением, волноваться вам не о чем. – Король захихикал, как будто это была шутка. – Пришло время мне подыскать себе супругу, а для моих верноподданных... обожаемую Червонную Королеву! А если... – Тут Король снова рассыпался смешками. – А если нам улыбнется удача, то у Короля появится наследник.

Кэтрин стала бочком отходить от стола. Она не чувствовала собственных ног.

– Чеширчик!

– Да, леди Кэтрин?

– Большая честь для меня, – продолжал Король, – назвать имя той, кого я избрал в спутницы жизни.

– Умоляю, – прошептала Кэтрин, – отвлеки его. Как угодно!

Кот дернул хвостом и пропал. Остался только его голос, промурлыкавший: «С радостью, леди Кэтрин».

Король широко развел руки.

– Не согласится ли прелестнейшая, очаровательная и изумительная леди Кэ...

– А-а-а-а!

Толпа вздрогнула и обернулась на крик. Маргарет Дроздобород, продолжая пронзительно вопить, пыталась согнать ярко-рыжего Кота, свернувшегося уютным калачиком у нее на макушке, под меховой шапочкой.

Только одна Кэтрин повернулась в другую сторону.

Она бросилась к балкону со всех ног, насколько позволяли каблуки и сдавливающий грудь корсет. Прохладный ночной ветерок приятно освежал ее разгоряченные щеки, но дышать было очень трудно.

Кэт подобрала юбки и побежала вниз по ступенькам, ведущим в розовый сад. Сзади донесся звон разбитого стекла и крики, и она на бегу с благодарностью подумала о Коте, устроившем весь этот переполох, но не решилась оглянуться, даже когда оказалась в саду.

Мир куда-то кренился. Кэт подбежала к кованым железным воротам и без сил привалилась к какой-то завитушке. Немного отдышавшись, она побрела дальше. Вниз по поросшей клевером дорожке между увитыми розами беседками и капельными фонтанами. Еще дальше, мимо фигурно подстриженных кустов, статуй и пруда с водяными лилиями. Кэт потянулась к спинке платья, пытаясь ослабить тесемки. Дышать... Но не смогла дотянуться. Она задыхалась.

Сейчас ей станет плохо.

Она упадет в обморок.

Впереди мелькнула тень, черная на фоне залитого огнями замка, над полем для игры в крокет навис силуэт. Кэтрин закричала и остановилась. Влажные волосы прилипли к шее.

Тень человека в капюшоне поглотила ее. Кэтрин в ужасе смотрела, как тень поднимает громадный топор, заносит над головой изогнутое лезвие...

Дрожа всем телом, Кэтрин оглянулась. Темная фигура нависла над ней, закрыв небо. Она вскинула руки, защищаясь.

Каркнул ворон, пролетев так близко, что она почувствовала ветерок от его крыльев.

– Что с вами?

Ахнув, Кэтрин уронила руки. С отчаянно бьющимся сердцем она вглядывалась в ветви высокого, как дерево, розового куста, усыпанные белыми цветами.

Не сразу, но ей все же удалось рассмотреть его. Шут непринужденно сидел на низко висящей ветке, с серебряной флейтой в руках. Если он и играл на ней, Кэтрин все равно бы не заметила, ей было совсем не до музыки.

Кэт хлопала ресницами. Волосы выбилась из пучка, рассыпались по плечам. Щеки горели. Мир вращался как бешеный – вокруг нее кружились лимонные торты, невидимые коты, изогнутые топоры...

Шут наклонился к ней, нахмутив брови.

– Миледи?

Мир накренился еще сильнее и погрузился во тьму.

Глава 7

– Прекрасная дева сквозь мрак полуночный брела, совсем ослабела, бледна и печальна была, – прозвучал из темноты низкий скорбный голос.

– Недурно пропето, друг мой, – раздался другой голос, не такой мрачный. – Так что же, ты уверен, что у нас здесь нет ароматической соли?

– Знать не знаю про какую-то соль, но в плане твоём я ошибку нашел: чтоб эту девицу нам оживить, должны мы ее поскорей намочить.

Что-то тяжело шмякнулось на землю возле локтя Кэтрин, вслед за этим раздался тихий плеск льющейся воды.

– Нет, Ворон, обливать ее водой из ведра мы не будем. Думай еще. Нет ли у нас бутерброда с ветчиной? Или охапки сена? Королю это обычно помогает.

Шорохи, шуршание, ляг и стук.

Вздых.

– А впрочем, не имеет значения. Мы воспользуемся вот этим.

Зашуршала листва, потом хрустнула ветка. Кэтрин почувствовала, как что-то мягкое пощекотало ей кончик носа.

Она отвернулась и уловила слабый аромат розы.

– Ага, сработало.

Кэт сморщила нос. Глаза открылись сами собой. Она увидела мрак и какие-то тени. Голова была как свинцом налита, мысли путались.

– Привет, – заговорила одна тень, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся придворным шутом. Он отнял от ее лица розу с нежными лепестками. – Все хорошо?

– Никогда, – прокаркал Ворон, сидевший на краю жестяного ведра.

– Не груби, – строго одернул его шут.

– Я просто уточнил, за что тут упрекать – а глупые вопросы не стоит задавать. *Все* хорошо не может быть, это невозможно. На то, что *что-то* хорошо, надейся осторожно.

– Все правильно, – сказал шут. – Ты мне грубишь.

Ворон недовольно издал что-то вроде курлыкканья. Расправив широкие крылья, он взлетел и уселся на верхнюю ветку большого розового куста.

Шут снова повернулся к Кэтрин. Еще раньше он снял трехрогий колпак, и его взлохмаченные черные волосы торчали во все стороны. От света фонаря у него в глазах, густо обведенных черным, прыгали золотистые искорки. Шут улыбался ей, и это была дружеская, приветливая улыбка, от которой все его лицо осветилось, а в уголках глаз появились веселые морщинки. Сердце пыталось выскочить у Кэт из груди. Во время представления ее заворожала магия, повеселили озорные шутки, но тогда она не заметила, что шут еще и очень хорош собой.

– Я рад, что роза помогла, – обратился он к ней, вертя в пальцах цветок. – Что-то мне подсказывает, что наша встреча приняла бы другой характер, прибегни мы к обливанию водой.

Глядя на тени, пробегающие по лицу шута, Кэт молча моргала, не находя в себе сил даже на ответную улыбку. Дело было не в свете фонаря. Глаза шута в самом деле оказались золотыми. Цвета подсолнухов и лютиков, цвета спелых лимонов, растущих на согнутых под их тяжестью ветках.

Она широко раскрыла глаза.

– *Вы!*

– Я, – согласился шут. Он наклонил голову набок и снова нахмурился. – Позволю себе спросить со всей серьезностью, леди, с вами... – Заминка. – *в основном все скорее неплохо?*

Она снова почувствовала какое-то стеснение в груди, как во сне – в том сне, когда она понимала, что что-то ей принадлежит и надо это поймать, если только она хочет вернуть это себе.

– Миледи? – Отложив розу, шут коснулся ее лба тыльной стороной ладони. – Вы слышите меня? О, да у вас жар.

Мир снова завертелся вокруг нее, но теперь это было очень приятное вращение, из-за которого останавливалось время.

– Похоже, вы больны, нужно вызвать Рыбу-хирурга...

– Нет, не надо. У меня все прекрасно. – Слова получались тягучие и норовили склеиться друг с другом, а пальцы дрожали, но ей все же удалось схватить шута за руку, которую тот не успел отдернуть. Он замер в нерешительности.

– Вот только я не чувствую ног, – помолчав, призналась Кэт.

Шут скривил угол рта.

– Не все хорошо, стало быть. Только не говорите Ворону, что он оказался прав, а то эта птица до утра не успокоится.

Он посмотрел вниз.

– Я почти уверен, что ноги все еще при вас, хоть они и скрыты под ужасающим количеством ткани. Если хотите, я пощупаю, там ли они.

Он говорил совершенно серьезно и искренне, с невинным выражением лица.

Кэтрин рассмеялась.

– Очень великодушное предложение, но я сейчас исследую этот вопрос сама, благодарю вас. Не поможете ли мне сесть?

Она продолжала сжимать его пальцы, и шут другой рукой помог ей сесть, придерживая за плечи. Кэт заметила колпак, лежащий рядом на траве, и еще кучу какого-то хлама, валяющегося вокруг. Стекланные шарики, заводная обезьянка, носовые платки, пустая чернильница, пуговицы разного цвета и размера, двухколесный велосипед, серебряная флейта...

Топнув разок-другой, Кэт убедилась, что ноги и в самом деле при ней. Пальцы начало покалывать.

– У вас ледяные руки. – Шут взял ее руки в свои и стал растирать ей пальцы, двигаясь от костяшек к основанию большого пальца и к запястью. – Надо восстановить ток крови, и вам сразу станет лучше.

Кэт рассматривала шута, его спутанные волнистые волосы, нос. Он сидел на траве, скрестив ноги и склонившись над ее рукой. Его прикосновения были какими-то невероятно близкими, даже *тесными* по сравнению с привычными ей мимолетными и благопристойными касаниями рук во время вальса или кадрили.

– Вы доктор? – спросила она.

Подняв голову, он снова улыбнулся обезоруживающей улыбкой.

– Я шут, миледи, а это даже лучше.

– Почему же шут лучше доктора?

– Разве вы не слышали, что смех – лучшее лекарство?

Она помотала головой.

– Если так, почему бы вам не повеселить меня какой-нибудь шуткой?

– Как угодно миледи. Что есть у шута и кота, чего нет у ворона и короля?

– И что же это?

– Буква Т.

Кэтрин и сама не ожидала, что так рассмеется, да еще и хрюкнет самым неподобающим для леди образом – из-за этого над ней частенько подтрунивала Мэри-Энн. В смущении она вырвала руку у шута и прикрыла нос.

Обрадованный шут просиял.

– Быть не может! Настоящая, живая леди, которая так смеется! Я был уверен, что это выдумка, нечто вроде мифологических существ. Умоляю, сделайте так еще раз!

– Ни за что! – пискнула она, покраснев до ушей. – Перестаньте. Шутка вообще-то была совсем не смешная, просто я сейчас немного не в форме.

Шут сделал серьезное лицо, но глаза все равно смеялись.

– У меня и в мыслях не было вас обидеть. Для человека моего ремесла такой смех дороже золота. Теперь я буду из кожи лезть, лишь бы услышать этот звук еще хоть разок. А лучше каждый день. Нет – дважды в день, и еще хоть бы раз перед завтраком. Королевский шут должен ставить перед собой высокие цели.

Кэтрин ничего не понимала. Дважды в день? И один раз перед завтраком?

На щеках у нее снова выступил румянец.

Заметив это, шут со смиренным видом выпустил ее руку.

– Вы же... ведь это вы и есть, правда?

Кэт смотрела на него и в его глазах видела лимонное дерево, за одну ночь выросшее у нее в спальне, успевшее оплести ветвями балдахин и дать спелые, сочные плоды.

– Я и есть?

– Будущая Червонная Королева?

Ее щекочущее веселье улетучилось с одним болезненным вздохом.

– Простите?

– О, вам не за что просить прощения! – В его глазах мелькнуло сомнение, он нахмурился. – Возможно, извиниться следует мне? Я не хотел опережать события. Просто Король намеревался сегодня на балу просить руки своей избранницы, и... глядя на ваше платье, я предположил...

Кэтрин опустила глаза. Юбка окружала ее ярко-красным удушливым кошмаром.

– Он не говорил, у какой именно девушки собирается просить руки?

– Нет, миледи. Я знаю лишь, что она дочь лорда, хотя это едва ли намного сужает круг. – Шут откинулся назад, опираясь на ладони. – А от чего вы так стремительно убегали?

– Убегала? – Кэт удалось изобразить довольно правдоподобную улыбку. – Я просто хотела подышать свежим воздухом. В такие теплые вечера в бальном зале бывает довольно душно.

Шут с озабоченным видом уставился на траву.

– Король еще не сделал объявления, когда вы вышли?

– Ничего об этом не слышала.

Она вздрогнула, стыдясь того, что приходится лгать. Что произошло в зале? Назвал ли Король ее имя? Вдруг ее ищут?

Кэт оглянулась на замок и удивилась тому, как далеко она сумела убежать. Сейчас ей казалось, что сад растянулся на несколько миль, а окна бального зала мерцали где-то вдали. Она вспомнила, что слышала какой-то шум, и испугалась, не пострадал ли Чеширский Кот.

Шут задумчиво поскреб затылок.

– Тогда возможно, что это все-таки вы. Наверное, я должен проводить вас обратно...

– Нет! Не надо, – Кэт принужденно засмеялась. – Я совершенно уверена, что Король выбрал какую-то другую девушку. Его величество никогда не проявлял ко мне особого интереса.

– Трудно поверить.

– Но это правда. – Она покашляла. – У меня необычный вопрос, господин... шут...

– Джокер. Меня зовут Джокер... миледи.

– О! Я – Кэтрин Пинкертон.

– Бесконечно рад нашему знакомству, леди Пинкертон. Что за вопрос вы хотели задать?

Кэт взбила платье – необъятный красный купол – вокруг ног, чтобы занять руки хоть чем-то, потому что они начинали неметь и дрожать.

- Мы с вами прежде встречались?
 - До сегодняшнего вечера? – Джокер взялся за подбородок. – Маловероятно.
 - Вот и я так думаю.
 - Я показался вам знакомым? – На его щеках снова появились ямочки.
 - В некотором смысле. Очень странном. Я уверена, что видела вас во сне.
- Он поднял брови.
- Меня?

– Странно, не правда ли?

– Весьма. – Какое коварное, неуловимое слово. Шут как будто был обескуражен, но быстро справился с собой, как и прежде на балу, когда впервые заметил ее красное платье посреди черно-белого моря. Маска самоуверенности соскользнула, но лишь на миг. – Быть может, мы узнаем друг друга в будущем, а ваш сон был только воспоминанием наоборот.

Кэтрин подумала над этими словами.

– Итак? – продолжал он.

Она растерянно моргнула.

– Что – итак?

– Сон был хорошим?

– Ах... – Кэтрин сжала губы, вспоминая, но тут же поняла, что Джокер ее испытывает, и нахмурилась. – Откровенно говоря, мне он показался довольно скучным.

– Хм, вы сердитесь. Что ж, вы и не должны быть Милой. Вы ведь уже сказали, что вас зовут Кэтрин.

Он мягко и необидно засмеялся.

– Я вижу, воспоминание об этом сне вернуло краску на ваши щеки. Когда вы упали в обморок, то побледнели, как белая голубка. Прошу простить Ворона за то, что напугал вас.

Кэтрин вспомнила тень, протершуюся над лужайкой в саду, фигуру в капюшоне, которая занесла у нее над головой топор, и вздрогнула.

– Нет, это был не Ворон. Мне показалось, что я видела... нет... никого.

– Никого? Я и сам постоянно его вижу.

– Я ведь уже объясняла, в зале было очень душно, вот и все. А я целый день ничего не ела.

– Да и пыточный корсет, несомненно, не облегчал положения.

Кэт ошетибилась еще сильнее.

– Дамское нижнее белье – неподобающая тема для обсуждения.

Джокер поднял руки в знак капитуляции.

– Беру свои слова назад, миледи. Уверен, что главная причина обморока – недоедание. Вот. – Он сунул руку в висящий на поясе мешочек и вынул шоколадную конфету. – Я прибежал к вам на потом и, как теперь выясняется, не для себя, а для вас.

– Ах, нет, нет. Я не могу. Я еще не совсем пришла в себя. От этого мне может стать дурно.

– Говорят, лучше сначала съесть, а потом лишиться, чем не есть совсем.

Кэтрин сдвинула брови, но на его искреннем и серьезном лице не дрогнул ни один мускул.

– Это я про случай, если вам станет дурно и шоколад выйдет назад тем же путем.

– Это ужасно.

– Понимаю. Мне следует попросить прощения! – Но вместо извинений шут протянул ей конфету. – Я настаиваю, чтобы вы подкрепились, несмотря на ужасный риск. Если вы снова лишитесь чувств, боюсь, я не удержу Ворона, и он пустит в ход это ведро.

Кэтрин замотала головой и прижала к животу ладонь.

Странно, но сейчас корсет почему-то не казался таким тугим, как раньше. Теперь, на свежем ночном воздухе, у нее внутри появилось даже пространство для пары вдохов. Места, прямо скажем, немного, но капелька шоколада, наверное, поместится...

– Возьмите, я настаиваю, – повторил шут.

– Это с пиршественного стола? – спросила Кэт, отлично зная, что нельзя пробовать непроверенную пищу. Однажды в детстве она поела каких-то незнакомых ягод и стала величиной с наперсток. Пришлось ходить так целых два дня, и повторять этот опыт она не хотела.

– Со стола самого Короля.

Кэтрин нерешительно взяла конфету и надкусила, пробормотав благодарность. Трюфель взорвался у нее на языке нежной тягучей карамелью и хрустящим шоколадом.

От удовольствия Кэт даже застонала.

А если бы сюда добавить еще морской соли – совсем чуть-чуть – о, *божественно!*

Она быстро доела конфету и провела языком по зубам в надежде, что где-то еще остался шоколад.

– Вам лучше? – спросил Джокер.

– Гораздо лучше! – Кэт заправила за ухо выбившуюся прядь. – Настолько лучше, что я могу попытаться встать. Вы мне не поможете?

Она еще не договорила, а Джокер уже стоял рядом с ней. Двигался он грациозно, как кошка.

– Прикажете проводить вас снова в бальный зал? – спросил он, помогая ей встать.

– Нет, благодарю, – Кэт отряхнула платье. – Я очень устала и хотела бы вернуться домой. Надо вызвать карету.

– Тогда нам сюда.

Джокер поднял с травы колпак и надел на голову. Сейчас убор выглядел на нем странно, и Кэт вдруг подумала, что именно шутовской костюм помешал ей сразу заметить, как он красив. Теперь, когда она это уже обнаружила, не видеть его красоту было невозможно.

Джокер повернул голову в сторону деревьев и тихо свистнул.

– Ворон, если не возражаешь...

Ворон, шурша ветвями, слетел ниже и, наклонив голову, посмотрел на них блестящим глазом.

– Я уж думал, ты забыл в темноте своего спутника – одинокого и всеми отвергнутого.

Джокер вопросительно покосился на него.

– Это согласие?

Птица вздохнула.

– Хорошо, я полетел.

И, шумно взлетев с ветки, он скрылся в черном небе.

Джокер предложил Кэтрин руку и она осторожно положила свою на его согнутый локоть. Удивительно, насколько легче стало дышать. Может, ей все это только показалось? Нет, не то, что Король вот-вот сделает ей предложение, а то, что это платье хочет задушить ее насмерть...

Под руку они вошли в ворота сада. Розовые кусты остались позади, теперь их окружали высокие зеленые изгороди, среди ветвей стремительными молниями мелькали светлячки.

– Полагаю, вы с пониманием отнесетесь к моей просьбе сохранить все в секрете, – заговорила Кэтрин, желая только, чтобы сердце перестало так колотиться в груди. – Для меня это происшествие было чем-то из ряда вон выходящим.

– Менее всего мне хотелось бы хоть повредить незапятнанной репутации леди. Но все же хотелось бы уточнить, какую именно часть происшествия вы желали бы оставить в тайне? – Джокер искоса поглядел на нее. – Ту часть, когда вы лишились чувств, и я героически вернул вас к жизни? Или ту, когда мы без сопровождения дуэньи совершили прогулку по саду?

И он укоризненно покачал головой и даже поцокал языком.

– А может, ту часть, когда вы признались, что видели меня во сне, и я имею все основания надеяться, что этот сон был совсем не таким скучным, как вы говорите?

– Наверное, все перечисленное, – сказала Кэт, опираясь на его руку.

Джокер погладил ее пальцы.

– Я с величайшим удовольствием готов хранить нашу общую тайну, миледи.

Вместе они перешагнули через лежащий на песке длинный хвост сторожа-грифона – тот, как всегда, спал у ворот замка. Его мирное посапывание долго еще слышалось у них за спиной.

– А теперь, раз уж у нас появились общие тайны, – начала Кэтрин, – могу я спросить, как вы это проделали? Фокус с Белым Кроликом?

– Какой фокус?

– Сами знаете, какой. Когда вытащили его за уши из берета Джека.

Джокер встревоженно заглянул Кэтрин в глаза.

– Жаль, дражайшая леди Пинкертон, что не успели мы познакомиться, как вы внезапно сошли с ума.

Кэт в свою очередь уставилась на него.

– Я? Сошла с ума?

– Только представить себе – я вытянул кролика из головного убора?! – Джокер наклонился ближе и зашептал, как заговорщик: – Это невозможно.

Кэт скрыла улыбку и постаралась придать лицу такое же хитрое выражение, как у него.

– Так бывает, господин Джокер. Иногда мне удавалось еще до завтрака поверить в шесть невозможных вещей.

Внезапно шут остановился, как вкопанный, и потрясенно посмотрел на нее.

Лукавая усмешка сползла с губ Кэтрин.

– Что случилось?

Джокер, шурясь, всматривался в нее.

Кэтрин забеспокоилась.

– Да что такое?

– Вы уверены, что вы – не та, в кого влюбился наш Король?

Не сразу, но Кэт засмеялась, искренне и раскованно. Одно дело мысль, что Король мог захотеть жениться на ней, но допустить, что он в нее влюблен – полный абсурд!

– Уверяю вас, это не так, – сказала она, продолжая улыбаться, хотя Джокера это, кажется, не убедило. – Какое это имеет отношение к вере в невозможное?

– Мне показалось, что сказанное вами подобает королеве. – И он снова предложил ей руку, на которую Кэт, поколебавшись, все же решила опереться. – А что до невозможного – так это моя профессия.

Кэтрин взглянула на профиль шута, на его угловатые черты, угольно-черные линии вокруг глаз.

– Как раз в это, – заметила она, – мне совсем не трудно поверить.

– Мне приятно, что вы так думаете, леди Пинкертон, – польщенно ответил шут.

Они добрались до мощеной дороги, ведущей от главного входа в замок, у которой ожидали хозяев десятки карет. Несколько кучеров в ливреях курили трубки поодаль. Увидев Джокера и Кэтрин, один из них крикнул:

– Эй, не знаете, что там за переполох?

– Переполох? – переспросил Джокер.

– Вот уж полчаса как из замка доносятся шум, визг да крики, – пояснил кучер. – Мы уж решили, не подожгла ли случайно одна из свечек угол, где сложены петарды для фейерверка.

Джокер и Кэт переглянулись, но она только пожала плечами.

– Наверное, гости все не могут успокоиться после вашего представления.

К ним подкатила карета. Рядом с возницей на облучке сидел громадный черный ворон. Видимо, он полетел вперед, чтобы раздобыть для нее экипаж.

Один из лакеев, лягушонок в пудреном парике и красной, как у королевских слуг, ливрее с двумя рядами золоченых пуговиц проскакал через двор и открыл дверцу кареты.

Джокер помог Кэтрин подняться в карету и, к ее удивлению, поцеловал ей руку. На предпоследней ступеньке она оглянулась.

– Ох, чуть не забыл! – Джокер отнял руку, сдернул с головы колпак, звякнув бубенцами, и сунул в него руку. Вытащив большой моток белого шнура, он протянул его Кэт. – Это ваше.

Кэт нерешительно взяла тесьму.

– Что за... – Она ахнула. Рука сама взлетела к спине, нащупала ткань платья, сквозь которую ощущались косточки корсета, но... тесемок не было. Спинка разошлась на ширину ее ладони.

У нее запылали щеки.

– Как?

Джокер, пританцовывая, отбежал от кареты, словно боясь, что Кэт его стукнет, и ей действительно захотелось это сделать. Неслыханная дерзость!

Шут снова поклонился, будто она аплодировала ему и вызывала на бис.

– Доброй ночи, леди Пинкертон. Надеюсь, по дороге домой вы будете дышать полной грудью.

Смущенная и озадаченная, Кэтрин поднялась на последнюю ступеньку и захлопнула дверцу кареты.

Глава 8

Кэтрин проснулась от шума – это вернулась карета родителей. На фоне отдаленного гула морских волн был ясно слышен цокот копыт по мощеной аллее. Кэт не знала, сколько времени прошло, но на улице совсем стемнело, так что она плотнее закуталась в одеяло, натянув его повыше. Ей казалось, что нос еще чувствует отдаленный аромат недавнего сна. Ей снились руки, опускавшие ее на ложе из розовых лепестков. Пальцы, нежно касавшиеся ее лица. Поцелуи, блуждавшие по ее шее.

Кэт вздохнула и подтянула колени к груди.

Медленно, постепенно, он снова появился из дымки. Встрепанные черные волосы. Янтарные глаза. Улыбка насмешливых губ и ямочки...

Кэт широко открыла глаза, кровь бросилась в лицо.

Ей снился шут.

Опять!

Внизу хлопнула дверь, резкий голос матери нарушил сонную тишину ночи. Голос звучал взволнованно и огорченно, и Кэтрин сжалась в комочек. Видно, матушка раздражена тем, что Кэт покинула бал, не предупредив родителей. Или тем, что Король не смог сделать ей предложение?

Но может быть... ну, *может быть*... он все-таки сделал его другой девушке?

Окрыленная надеждой, Кэтрин отбросила одеяло и... со вздохом устала на темный полог вокруг кровати.

На сей раз не лимонное дерево, а розы. Цветы белые, как лебяжьи перья, а шипастые стебли обвились вокруг столбиков балдахина. Протянув руку, Кэт хотела сорвать розу, укололась, отдернула руку и скорее, пока кровь не накапала на ночную сорочку, сунула большой палец в рот.

Не решаясь сорвать цветы, Кэт снова с головой накрылась одеялом, дожидаясь, пока сердце перестанет так отчаянно колотиться.

Что все это значит? Что пытаются сообщить ей сны?

Кэт перечислила про себя все, что знала о Джокере.

Он придворный шут, но никто не знает, откуда он явился.

Дружит с Вороном.

Невозможное – его профессия.

Он касался ее руки и разбудил в ней то, чего она никогда прежде не чувствовала. Что-то радостное, отчего хотелось летать, но в то же время вызывающее страх. То, что притягивало и пугало одновременно.

А еще, если верить снам, он очень, очень хорошо целуется...

У нее снова затрепетало все внутри, вдруг закружилась голова, и захотелось забраться поглубже под одеяло. Возможно, он появился в саду совершенно случайно, но Кэт была мастерицей пофантазировать. Постепенно она снова начала погружаться в сон о тягучих поцелуях и белых розах, нащупывая путь назад, к этой небольшой, безобидной выдумке...

Дверь спальни распахнулась.

– Кэтрин!

Кэт испуганно подскочила на кровати. Круг тусклого света заплесал по стенам.

– Что?

Ее мать пронзительно завизжала, но это был крик радости.

– О, какое счастье! Кабриолет, она здесь! Живая и здоровая!

Завывая, маркиза вихрем пронеслась по комнате и (задержавшись, чтобы поправить лампу на ночном столике) упала на кровать рядом с Кэтрин и чуть не задушила ее в объятиях. Кэтрин вздрогнула, сообразив, что матушка плачет.

– Мы так волновались!

– Из-за чего? – Кэт попыталась освободиться. – Я ушла с бала пораньше и поехала прямо домой. Не думала, что тебя это так огорчит. Я неважно себя почувствовала, вот и...

– Нет, нет, дорогая, дело совсем не в этом, просто... – Маркиза снова разразилась рыданиями. Между тем показался отец Кэт, прижимая руку к сердцу. На его лице было написано облегчение.

– Что происходит? – спросила Кэтрин, увидев в дверях Мэри-Энн. – Что стряслось?

– Мы не знали, где ты, – сквозь слезы проговорила ее мать, – а там... а там...

– Замок подвергся нападению, – мрачно сказал отец.

Кэтрин вгляделась в его лицо, пытаясь понять, не шутит ли он.

– Нападению?

– Не просто нападению! – маркиза снова обняла Кэтрин. – Там был Бармаглот!

Ее глаза едва не вылезали из орбит.

– Он напал на замок, – устало объяснил отец, выглядевший совершенно измотанным. – Разбил окно и унес в когтях двух придворных прямо из бального зала. Он улетел с ними...

Кэтрин прижала руки к лицу. Для нее Бармаглот всегда был существом, живущим только в легендах и кошмарных снах, о котором рассказывали сказки у очага, чтобы пугать непослушных детей. Говорили, что это чудовище живет в непроходимых дебрях Глушобы, далеко отсюда, в Королевстве Шахмат.

Насколько было известно Кэт, в Червонное королевство Бармаглоты не совали носа с незапамятных времен. О том, как много веков назад на них охотились великие рыцари, сложены легенды. Последнего Бармаглота героически сразил король легендарным Бурлатным мечом.

– Он был та-такой огромный, – заикаясь, тараторила мать, – и ужасный! А я не знала, где ты!

И она снова забилась в рыданиях.

– Все хорошо, мамочка! – Кэт крепко ее обняла, – Я всю ночь была дома.

– И, как я вижу, продолжаешь видеть сны, – заметил маркиз.

Оттолкнув Кэт, мать выпрямилась и уставилась на колючий розовый куст.

– Только не это. Снова? И о чем ты только думаешь, Кэтрин?

Кэт вздохнула.

– Простите меня. Я сама не знаю, откуда они берутся.

Откинувшись назад, мать вытерла слезы, еще блестящие в глазах.

– Ну что это такое, Кэтрин. Если уж видишь сны, так постарайся хотя бы увидеть что-нибудь полезное.

Кэт мяла одеяло руками.

– А что? Зато у нас будет свежая розовая вода, а может, я испеку розовые пирожные.

– Нет, нет, нет. Говоря о полезном, я вовсе не имею в виду то, с чем ты печешь или готовишь. Я имею в виду *полезное*. Вроде короны!

– Короны?

Маркиза толстыми пальцами прикрыла лицо.

– Эта кошмарная ночь совсем выбила меня из колеи. О, мои несчастные нервы! Сперва является этот гадкий Чеширский Кот, и как раз в тот момент, когда Король собрался сделать объявление! Потом ты бесследно исчезаешь неведомо куда, потом Бармаглот... – Она вздрогнула всем телом. – А теперь извольте видеть – розовый куст растет у меня посреди дома, как будто так и надо. Ну в самом деле, Кэтрин!

– Я не спорю, мама, но корона, по-моему, мало на что годится. Просто сидит у кого-то на голове и все, совсем никчемная штука. А, ну еще она, правда, блестит.

– Соберись, дитя. Ты что, совсем не понимаешь? Сегодня вечером Король собирался просить твоей руки и сердца!

Мэри-Энн ахнула, а Кэтрин показалось, что ее собственное притворное удивление получилось невыразительным.

– Да что вы, какая-то нелепица, – сказала она, хихикнув. – Король? Быть этого не может!

Маркиз осторожно покашлял, выразительно глядя на супругу, но она замахала на него руками.

– Да, да, все в порядке, милый, – прощепетала она. – Иди в постельку. А нам нужно пооткровенничать с глазу на глаз – то-се, дочки-матери, сам понимаешь.

Отец, кажется, был благодарен за то, что его отсылают прочь. Он наклонился, чтобы поцеловать дочь в лоб, и Кэтрин заметила темные круги у него под глазами.

– Я так рад, что с тобой ничего не случилось.

– Спокойной ночи, папочка.

Мэри-Энн присела в реверансе, прощаясь с маркизом, а потом обернулась к Кэт, восторженно улыбаясь.

– Может, я... принесу вам чаю? – спросила она. – Чтобы успокоить нервы.

– Благодарю, Мэри-Энн, – ответила маркиза. Она дождалась, пока служанка выйдет, и только тогда взяла руки Кэт в свои.

– Милое мое, чудесное, глупое дитя, – начала она, и у Кэт сразу напряглись плечи. – Это вовсе не нелепица. Король всерьез хочет, чтобы ты была его невестой. Я безумно рада, что ты дома и не пострадала, но это тебя не извиняет – нельзя отсутствовать, в такой-то момент! Где ты была?

В памяти Кэтрин пронеслись воспоминания о трюфеле с карамелью и расшнурованном корсете.

Она заморгала – сама невинность.

– Говорю же, я неважно себя почувствовала и решила, что лучше уйти и не портить праздник. Мне не хотелось мешать вам с папочкой – вам было так весело. Вот я и взяла одну из королевских карет. И все-таки я уверена, что ты ошибаешься насчет Короля.

Лицо ее матушки стало бордовым, как спелая свекла.

– Я не ошибаюсь, тупоумная ты девица! Сегодня тебя ждала помолвка.

– Но его величество никогда не оказывал мне никакого предпочтения. Ну, если не считать того, как он любит мои торты. Но даже если так, он за мной совсем не ухаживал. Не уделял времени...

– Он Король! К чему ему кого-то обхаживать? Он задает вопрос, а ты отвечаешь согласием, вот и все ухаживания. – Маркиза утомленно вздохнула. – Так все и должно было произойти. А теперь, когда ты взяла да и исчезла в самый неподходящий миг, кто знает, что произойдет с его влюбленностью? Возможно, он почувствует себя брошенным, оскорбленным в лучших чувствах!

Кэтрин сжала губы, пытаясь скрыть прилив надежды, вызванный словами матери.

– Если уж Король собирался просить моей руки, я не думаю, что его влюбленность окажется такой непрочной. Хотя до сих пор не верю, что у него такие намерения.

– О, он намерен. Очень даже намерен. И лучше бы ему не менять своего намерения – а не то я запру тебя здесь, и ты будешь сидеть под замком до тех пор, пока не усвоишь, когда можно уходить с бала, а когда нет! – Маркиза сделала паузу. – О диких кровожадных зверях я не говорю. Ты должна все исправить, Кэтрин!

– Чего ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты извинилась за свой преждевременный уход с праздника. Хочу, чтобы ты оказалась на месте, когда тебе в следующий раз соберутся предложить стать королевой. Нам необходимо каким-то образом удостовериться, что еще не все потеряно. Мы должны придумать, как не потерять доброго расположения Короля. Изобрести что-то, чтобы не дать ему передумать, ведь счастье так близко!

– Но что если я не... – Кэтрин замолчала и поджала колени к груди.

– Если ты не что? Договаривай, деточка.

Кэт вздохнула. Помолчала в нерешительности. Опять вздохнула.

– Что если я не скоро увижу его величество? Мы ведь не можем приглашать Короля, и у нас от него приглашений нет, верно?

Мать игриво нажала пальцем на нос Кэт.

– Вообрази, у нас есть приглашение. Мы приглашены на послеобеденный чай в дворцовом саду. Через три дня! – Маркиза сцепила пальцы. – Придумала! Ты поднесешь Королю подарок! Превосходный предлог, чтобы с ним заговорить. Он обожает сладости твоего изготовления.

Она поднялась и стала рассаживать по комнате, так что по стенам заплесала беспокойная тень.

– Как ты считаешь, что ему понравится?

– Мне кажется, что угодно.

– Почему ты такая несговорчивая? Назло мне?

– Даже не думала, мамочка, – пожалала плечами Кэтрин. – Может быть, пирожные с розовыми лепестками? Я тебе про них говорила.

– Да, да, великолепно. А что это за пирожные?

Кэт уже открыла рот, чтобы рассказать, но мать только отмахнулась.

– Неважно. Уверена, у тебя все получится. А теперь попытайся вздремнуть хоть немного. От бессонницы у тебя опухают глаза, да ты и сама это знаешь.

Всплеснув руками, маркиза вылетела из комнаты, чуть не выбив из рук у Мэри-Энн поднос с чаем.

Посмотрев ей вслед, Мэри-Энн прошмыгнула в комнату и прикрыла дверь ногой. Не сводя с Кэтрин круглых, восторженно горящих глаз, она небрежно поставила поднос на столик.

– Неужели это правда, Кэтрин?

Кэт со стоном откинулась на подушки.

– Я не хочу в это верить, даже если так. Бармаглот! В Червонном королевстве! Какое кошмарное нападение.

Мэри-Энн замерла, пытаясь вникнуть в ее слова.

– Ах, вот вы о чем. Это действительно был кошмар. Все случилось так быстро! Я почти не разглядела чудовище, когда оно улетало, держа в каждой когтистой лапе по придворному... – Она скривилась. – Все растерялись, никто не знал, что делать. Люди метались по залу, спрятаться было негде, а выходить на улицу боялись. И вдруг откуда ни возьмись появился шут – он какой-то зловещий, вам не показалось? – и настоял на том, чтобы Король приказал всем собраться в большом зале, пока не будет ясно, что выходить безопасно. Вот тут-то мы и обнаружили, что вы пропали, и шут попробовал успокоить вашу матушку. Он сказал, что видел девушку в красном платье, которая садилась в карету, и что он уверен в вашей безопасности, но мы не могли послать гонца и сидели взаперти целую вечность...

Она озабоченно нахмурилась.

– Как же я счастлива, что с вами все в порядке!

– Я бы сказала, *почти* в порядке. – Кэтрин приподнялась на локте. – Шут собрал всех в большом зале?

Мэри-Энн кивнула.

– Он держался очень спокойно, а Король был... ну, вы и сами знаете, каков он. – Губы у нее растянулись в лукавой улыбке. – Может, лучше называть его вашим суженым?

– Совсем не лучше! – Кэт опять упала на подушки. – Сил нет даже думать обо всем этом. Мэри-Энн рассмеялась.

– Ах, понимаю. Это, наверное, утомительно, быть фавориткой самого Короля!..

– Мы с тобой говорим об одном и том же человеке? О коротышке, толстяке со смешной курчавой бородкой? Том самом, что без конца хихикает?

Мэри-Энн присела на краешек кровати.

– Не будьте злокой. Подумать только, ведь если бы вы оказались в замке вместе с нами, Король защищал бы вас от чудовища. Или, по крайней мере, приказал бы Пикам защищать вас. Это гораздо более практично, в таких-то обстоятельствах. Все это почти романтично. Так давайте же скорее обсуждать вашу помолвку!

Мэри-Энн улеглась рядом с Кэтрин и с мечтательным вздохом поправила подушку под головой.

Кэтрин приоткрыла один глаз.

– Не верю, что ты это всерьез.

– Вы о чем?

Отбросив одеяло, Кэтрин спустила ноги.

– Ты короля-то нашего видела? – спросила она, поправляя ночную сорочку. – Практично? Романтично? Вздор! Я за него не пойду!

Мэри-Энн села.

– Но почему? Вы же станете Королевой.

– Не хочу становиться Королевой! Я хочу... не знаю. Если уж выходить замуж, хочу, чтобы все было романтично, чтобы была страсть. Хочу влюбиться.

Кэт налила себе чаю, и ей совсем не понравилось, что ее руки при этом сильно дрожали. Она была смущена – разговорами о Короле, известиями о Бармаглоте... но больше всего своим сном, и она прекрасно это понимала.

Чувства. Страсть. *Любовь*.

Никогда прежде она их не испытывала, но ей казалось, что все это было похоже как раз на ее сон. И на Джокера, с его мимолетной улыбкой и остроумными замечаниями. Ей казалось, что она могла бы разговаривать с ним часами, месяцами и годами, и ей никогда бы не надоело.

Но...

Джокер был придворным шутком. И это было *невозможно*.

Тяжело вздохнув, Кэт попыталась спуститься с небес на землю.

– Все это совершенно неважно, – заговорила она, больше обращаясь к самой себе. – Замуж за Короля – вот еще, вздор! Я хотела открыть кондитерскую. Вот этого мне хотелось всегда.

Мэри-Энн сползла на край кровати.

– Я, конечно, тоже этого хочу. Но, Кэт... Кондитерская, хотя мы столько о ней говорили, всегда была... ну... чем-то вроде глупой и легкомысленной мечты, вам не кажется?

Кэт обернулась к ней, пораженная изменой в самом сердце.

– Глупой?

Мэри-Энн подняла руки вверх, как бы сдаваясь на ее милость.

– Нет, нет! Это прекрасная мечта. Чудесная мысль, правда-правда. Но мы обсуждали ее годы напролет, и за это время так и не сумели раздобыть денег, так и не начали продавать ваши торты. У нас нет никакой поддержки. Никто не верит, что у нас получится.

– Я отказываюсь с этим соглашаться. Я лучший кондитер во всем королевстве, это скажет любой, кто пробовал мои торты и пирожные.

– Кажется, вы не понимаете...

Кэт отставила чашку, не сделав ни глоточка.

– Что я должна понимать?

– Вы дочь маркиза. Посмотрите вокруг. Взгляните на вещи, которые у вас есть, на жизнь, к которой вы привыкли. Вы не знаете, что значит работать каждый день, чтобы прокормить себя и сохранить крышу над головой. Вы не знаете, каково это, быть бедной. Быть служанкой.

– Мы будем не служанками, а коммерсантами.

– А еще, – сказала Мэри-Энн, – вы можете стать Королевой.

Кэт шумно выдохнула.

– Я хорошо умею считать, – продолжала Мэри-Энн, – и могу точно сказать: никогда наша маленькая, скромная кондитерская не даст вам того, что сможет предложить Король. Наряды, вкусная еда, обеспеченное будущее...

Глаза у Мэри-Энн затуманились, и, хотя ее слова казались Кэт ужасно скучными и практичными до скрипа зубов, она поняла, что Мэри-Энн уже не впервые прикидывает, каково это – не быть простой служанкой.

– Да, – ответила Кэт, – но для этого мне пришлось бы выйти за короля... Я с трудом выдерживаю и пять минут, пока танцую с ним вальс. Как же мне выносить его общество целую жизнь?

Ей показалось, что Мэри-Энн готова броситься на защиту его величества, но служанка задумалась.

– Он немного странный, правда?

– Не немного.

– И нет никакой надежды, что вы сможете его полюбить?

Кэт подумала о Короле – пухлом, ребячливом, взбалмошном и непостоянном, как ветерок. Она представила себе их свадьбу. Вот она наклоняется, чтобы поцеловать его, и его курчавые усы щекочут ей губы. Придется слушать его хихиканье и носиться рядом с ним вприпрыжку по коридорам замка. Любоваться, как он скачет на одной ножке от радости, что выиграл партию в крокет. Ее передернуло.

– Боюсь, у меня вряд ли получится.

Окончательно соскользнув с кровати на пол, Мэри-Энн налила чаю себе.

– Ну, у вас есть еще три дня на раздумья. Может, за это время ваше сердце смягчится.

Кэт прикрыла глаза, радуясь, что разговор окончен. Ей совершенно не хотелось больше думать об этом, хотя и было очевидно, что вернуться к этому еще придется. Скоро мать потребует, чтобы она напекла пирожных к послеобеденному чаю в замке. Скоро ей предстоит встретиться с его величеством лицом к лицу.

– Вечером вы вернулись домой одна? – спросила Мэри-Энн, накладывая сахар в обе чашки.

– Да.

– Как же вам удалось снять корсет?

Кэтрин отвернулась.

– Тесемки развязались еще на балу. Все эти танцы... – Она потянулась за сладким чаем, радуясь, что можно сменить тему. – Думаю, утром нужно заглянуть в лавку башмачника. Хочу осмотреть место, где мы откроем кондитерскую.

Мэри-Энн улыбнулась, хотя улыбка и вышла несколько натянутой.

– Прекрасная идея, леди Кэтрин.

Впервые Кэт поняла: все это время только она одна верила, что у них все получится. *Должно* получиться. Ей даже в голову не приходило, что придется убеждать в этом не кого-нибудь, а Мэри-Энн.

Но потом она представила себе Червонного Короля, стоящего рядом с ней и держащего ее за руку. При мысли о пухлой и влажной королевской ладошке она поморщилась. А потом

он сделает ей предложение стать его невестой, его супругой. В этом не было чувств, не было страсти, не было любви. Но она вдруг ясно увидела, как Король совершенно беззащитно улыбается ей. И смотрит на нее с такой надеждой...

У нее защемило сердце.

Сможет ли она сказать ему да?

Кэт сделала глоток, и вздрогнула, пораженная другим, более важным вопросом.

Сможет ли она сказать ему нет?

Глава 9

Объявление в витрине лавки башмачника гласило:

«Мы закрываемся! Распродажа!

Забегайте, пока башмаки не разбежались!».

Кэтрин и Мэри-Энн стояли на другой стороне улицы под кружевным зонтиком Кэт и восторгались витриной, набираясь смелости, чтобы войти в лавку.

– Какая красота, – вздохнула Кэт, нарушив молчание, и указала на большое витринное окно. – Представь только, хрустальные блюда выстроились в ряд, а на них свадебные торты и именинные пироги, и – конечно же! – самые лучшие не именинные торты и пироги. А посредине – фарфоровая этажерка в пять ярусов, с засахаренными ягодами и цветами до самого верха.

Мэри-Энн наклонилась вперед.

– Конечно, нужно будет измерить витрину поточнее, но мне уже сейчас кажется, что в ней поместится дюжина тортов. Место здесь людное, а если расклеить повсюду объявления... Ой, Кэт. Простите, что я назвала это глупой мечтой. Это же *наша* кондитерская, правда же?

– Разумеется! А на стекле красиво напишем: «Пирожные и торты: лучшая кондитерская в королевстве».

Девушки дружно вздохнули. Прохожий – лакей-лягушка – неодобрительно покосился на них, быстро лизнул свой выпученный глаз и поскакал дальше.

Лавка стояла на уютной, утопающей в цветах улочке с черепичными крышами. По булыжной мостовой время от времени с грохотом проезжали кареты. Утро выдалось ясным, и улицы городка были многолюднее, чем обычно. Корзинки прохожих были полны лука и репы с ближайшего рынка. Бригада шмелей-плотников, тихо жужжа, колотила молотками: за углом строилась новая школа. Обрывки случайно услышанных разговоров почти все были о Бармаглоте. Однако говорили о нем скорее как о страшной сказке, истории давно минувших времен, а не как о недавно пережитом ужасе – такой уж народ жил в Червонном королевстве.

Кэтрин с волнением почувствовала, что ей бы очень понравилось ходить сюда хоть каждый день. Она была бы просто счастлива. Как это было бы прекрасно – жить простой жизнью здесь, на Мэйн-стрит, подальше от Черепашьей Бухты, от замка Червонного Короля.

Ее внимание привлекли уличные музыканты на углу – рыба-свистулька и гитарный скат играли для прохожих, поставив рядом коробку для сбора монеток. В другое время музыка непременно навела бы ее на мысль о Белом Кролике, но сейчас Кэт вспомнился Джокер с его серебряной флейтой.

Новый сон так и лез в ее мысли, незванный, непрошенный и неожиданный.

Она сама и Мэри-Энн. Их кондитерская. И... он. Он то развлекал покупателей, то возвращался домой после того, как целый день развлекал всех в замке.

Это было настолько невероятно, что Кэт строго отчитала себя за подобные мечты. Она едва знакома с придворным шутом, и нет причин даже думать, что они увидятся еще где-то кроме парочки странных сновидений.

И все же, будь она самой обыкновенной булочницей, а не дочкой маркиза и избранницей Короля – и вот уже мысль о придворном шуте начинает казаться не такой уж невозможной.

Может ли он стать ее будущим? Может ли ее судьба быть такой?

Кэтрин даже сама удивилась тому, как окрылило ее это предположение.

– Кэт?

Она подпрыгнула. Мэри-Энн, хмурясь, смотрела на нее из-под зонтика.

– Вы с ним знакомы? – спросила Мэри-Энн.

– С кем?

– С гитарным скатом?

– Конечно же нет, просто... мне понравилась мелодия. – Порывшись в кошельке, она достала монетку. – Что же, зайдем в лавку и осмотрим ее изнутри?

Не дожидаясь ответа Мэри-Энн, она бросила монету в коробку музыкантов и решительным шагом направилась к лавке башмачника.

Когда Кэт открыла дверь, на улицу вырвалось, окутав девушек, облако сладкого дыма. Разогнав дым рукой, Кэт первой вошла в лавку. К дверной ручке был подвешен колокольчик, однако он сладко дремал и лишь всхрапнул, когда девушки тихонько прикрыли за собой дверь.

Кэт сложила зонтик и попыталась сквозь висящую в воздухе дымку рассмотреть лавку. Пол был сплошь уставлен обувью всех размеров и сортов, от тапочек-балеток и сапог для верховой езды до конских подков и резиновых ласт, которые были свалены в груды и высыпались в проходы. На бежевых стенах кое-где были наклеены рекламные картинки с туфлями и ботинками, вышедшими из моды лет тридцать назад. В комнате было тускло и пыльно, сильно пахло гуталином, кожей и грязными носками.

За стойкой на высоком табурете сидел башмачник господин Гусеница и курил кальян. Сонно помаргивая, он глядел, как Кэт и Мэри-Энн пробираются через обувные завалы. Перед ним на прилавке возвышалась пара сапог на кожаной подошве, которые он, по всей вероятности, чинил или собирался чинить. Правда сейчас Гусеницу определенно больше интересовал кальян, чем обувь, но все же Кэт из деликатности остановилась и, не желая отвлекать его от работы, стала осматриваться.

Она представила, как выбрасывает из лавки грязный скучный хлам. Стены она мысленно раскрасила кремово-бирюзовыми полосками, как леденцы, а на окно повесила легкие занавески цвета персикового шербета. У входа встали три маленьких кофейных столика, на каждом желтый букетик в вазочке из матового стекла. Вытертый и пыльный ковер уступил место сверкающим мраморным плиткам. Вместо старого прилавка появился стеклянный шкафчик, набитый пирожными и имбирными пряниками, пирогами, штруделями и круассанами с шоколадной начинкой. На задней стене будут висеть корзинки со свежеевыпеченным хлебом. Кэт увидела себя за стойкой – на ней розовый фартук в клеточку, с утра припорошенный мукой. Она пересыпает в банку бисквитное печенье. А тем временем Мэри-Энн – в точно таком же фартуке, только желтом – укладывает дюжину песочных пирожных в светло-зеленую коробку.

Кэт сделала глубокий вдох и закашлялась – а все потому, что вместо аромата горячих булочек, шоколада и пряностей, о которых она как раз думала, легкие наполнились едким кальянным дымом. Прикрыв рот рукой и пытаясь сдержать кашель, повернулась к господину Гусенице.

Башмачник внимательно разглядывал ее и Мэри-Энн. К сапогам на стойке он и не прикоснулся. Подойдя поближе, Кэт заметила, что на каждой паре маленьких ножек красовались самые разные сапоги, ботинки и тапочки.

– Кто... – медленно и лениво заговорил господин Гусеница, вынув изо рта мундштук, – вы... такие?

Кэт изобразила самую обаятельную из своих улыбок – чарующую, ей она научилась у мамы, – и, лавируя между грудями обуви, подошла ближе.

– Меня зовут Кэтрин Пинкертон. Мы с моей служанкой проходили мимо и вдруг, совершенно случайно заметили объявление в витрине. Я хотела узнать, что станет с этим магазином после вашего отъезда. Видите ли...

– Не вижу, – перебил башмачник.

– Я имею в виду, что невозможно позволить ему пустовать слишком долго...

– Вполне *возможно*, – довольно сварливо буркнул господин Гусеница и выпустил несколько клубов дыма.

– О да, но я только имела в виду... Конечно, очень грустно терять такое солидное дело, но я уверена, что вы собрались, э-э-э... на покой, не так ли?

Гусеница смотрел на Кэт так долго, что она решила, что обидела его, и начала сомневаться, что он вообще удостоит ее ответом, когда он наконец подал голос.

– Я приобрел клочок земли в лесу, чтобы обрести долгожданное уединение и покой.

Кэт подождала продолжения, но его так и не последовало.

– Понятно, – сказала она в конце концов. – Очень мило.

Прочистив горло, в котором все еще першило от дыма, она заговорила снова.

– А дом принадлежит вам?

– Нет, – ответил господин Гусеница. – Испокон веку я снимаю его у Герцога.

– Герцог! Вы хотите сказать, Герцог Свинорыл?

– Он самый. – Гусеница зевнул, как будто разговор ему наскучил. – Впрочем, хоть он и свинья свиной, но славный малый. Необщительный. И не сует пятачок в чужие дела, как вы все.

Кэтрин невольно нахмурилась, не только из-за того, что ее несправедливо обидели, но еще и по другой причине. Она надеялась, что помещением владеет кто-то, с кем они незнакомы. Кто не станет раньше времени обсуждать ее дела с другими знакомыми или с ее родителями. Она все не могла набраться храбрости, чтобы попросить у отца займа на кондитерскую или потребовать разрешения потратить на это приданое.

Но в одном господин Гусеница был прав. Лорд Свинорыл не совал нос в чужие дела, так что оставалась надежда, что он не станет болтать про ее планы.

Мэри-Энн подошла поближе.

– Скажите, а не интересовался ли в последнее время этой лавкой кто-нибудь еще?

Господин Гусеница медленно перевел на нее взгляд.

– А ты... кто... такая?

Мэри-Энн сложила руки на переднике.

– Я Мэри-Энн.

Гусеница снова зевнул.

– Кто займет лавку, дело Герцога, а не мое.

– Понимаю, – продолжалась Мэри-Энн. – Но... хотелось бы знать ваше мнение. Правда было бы хорошо устроить здесь кондитерскую? Самую замечательную во всем Королевстве?

Гусеница поскреб мундштуком щеку, похожую на марципан.

– Только, если в этой кондитерской будут «Гусиные лапки». Это мой любимый торт.

– О, непременно, – сказала Кэт. – Я даже готова спуститься в колодец за патокой, лишь бы получились лучшие «Гусиные лапки» по эту сторону Зазеркалья.

Она хихикнула, но Гусеница даже не улыбнулся, а только флегматично заметил:

– Никакого паточного колодца нет, это выдумки.

Кэт смутилась.

– Конечно. Разумеется. Я пошутила.

Старое поверье гласило – тот, кто отведаст патоки из колодца, излечится от всех болезней и помолодеет. Но вот беда: никто не знал, где он, этот чудесный колодец и как его отыскать. Одни говорили, что он спрятан в Зеркальном лабиринте, но удаляется от того, кто пытается подойти поближе. Так что гоняться за ним опасно – можно потеряться. Другие утверждали, что колодец показывается лишь тем, кто совсем отчаялся. Но большинство, подобно башмачнику, считали все это просто сказкой.

Господин Гусеница неодобрительно хмыкнул.

– Шутка мне не понравилась.

– Я и не думала, что она вам понравится.

– О чем же ты думала?

Кэт замялась.

– Да просто о том... Ах да, о том, что у нас будут «Гусиные лапки»!

Башмачник смерил ее долгим взглядом и снова сунул в рот кальянный мундштук.

– Ну вот, – пробормотала Кэтрин. – Большое спасибо за помощь.

И, схватив Мэри-Энн за локоть, она поволокла ее на улицу под звучный храп дверного колокольчика.

С дюжину шагов Мэри-Энн ошеломленно молчала, теребя ленты на чепчике.

– Просто чудо, как это он за столько лет не распугал всех покупателей!

– И правда, – рассеянно согласилась Кэтрин, но ее мысли были уже далеко от ворчливого обувщика. – Как ты думаешь, захочет Герцог сдать нам лавку внаем?

– Трудно сказать, – ответила Мэри-Энн. – Я надеюсь, что он подойдет к этому как деловой человек, примет во внимание наши расчеты и финансовые проекты.

Кэт помотала головой.

– Никого кроме тебя, Мэри-Энн, все это не интересует. Надеюсь, Герцог испытывает ко мне некоторую симпатию. По крайней мере не меньшую, чем к кому-либо другому. Но с другой стороны, он знает, что я дочь дворянина, которой полагается искать себе мужа, а не заглядываться на магазинные витрины. Он может усмотреть в этом противоречие и не пожелает вступить со мной в деловые отношения.

Кэтрин посмотрела на небо и представила себе высокомерное хрюканье Герцога.

– Если только у нас не будет разрешения вашего батюшки.

– Вот именно. Если у нас его не будет.

Кэтрин так разволновалась, что у нее свело живот – так было всегда, стоило ей подумать о разговоре с родителями на эту тему. О том, что мечта упрямо не хочет совмещаться с реальностью – как масло с водой. Уж сколько раз она представляла себе эту беседу, придумывала самые веские доводы, чтобы убедить отца и матушку дать денег на кондитерскую... Но они не разу ни согласились. Даже в ее фантазиях.

Ведь, как ни крути, она оставалась дочерью маркиза.

Но пока еще можно было попытаться обойтись без их помощи.

– Так или иначе, скоро мы получим ответ, – Кэтрин раскрыла зонтик, и они повернули к карете. – Мы сегодня же навестим Герцога.

* * *

Благороднейший Пигмалион Свинорыл, Герцог Клыкании жил на вершине круглого холма в чудесном кирпичном доме, на крыше которого торчало с полдюжины каминных труб. Вдоль подъездной аллеи росли яблони, а в воздухе витал аромат свежескошенного сена, хотя Кэтрин и не могла понять, откуда именно он доносится. Приказав лакею ждать в карете, они с Мэри-Энн направились к дому. В руке у Кэтрин была визитная карточка, Мэри-Энн несла коробку маленьких пирожных, которые Кэт хранила на леднике для таких случаев.

Дверь открыла экономка.

– Добрый день, – поздоровалась Кэтрин, протянув ей карточку. – Дома ли его светлость?

Экономка остолбенела. Очевидно, посетители бывали в их имении не так уж часто. Возможно, из-за Герцога.

– Я... я пойду доложу, – пробормотала она и, взяв карточку, скрылась в доме, оставив девушек на пороге.

Впрочем, вскоре экономка появилась снова, склонилась в почтительном поклоне и проводила их в гостиную с уютной, хотя и старомодной, мебелью и вазой красных яблок на столике. Кэтрин села, а Мэри-Энн – в этой ситуации ее послушная служанка – осталась стоять.

– Не хотите ли чаю? – предложила экономка. У нее сияли глаза, а растерянность сменилась немного нервным воодушевлением. Она так старалась услужить, что Кэтрин лишний раз убедилась: гости здесь большая редкость.

– Благодарю, я бы не отказалась.

Экономка поспешно удалилась. Не успела дверь за ней затвориться, как тут же открылась другая, и появился Герцог в домашней бархатной куртке.

В копытце он держал визитную карточку Кэтрин. Герцог посмотрел на Кэтрин, потом на Мэри-Энн и тихонько вздохнул, вроде бы разочарованно.

Кэтрин вскочила с кресла и сделала реверанс.

– Добрый день, Ваша светлость!

– Леди Пинкертон, какой сюрприз! – Он жестом предложил ей сесть и сам сел на напротив, закинув ногу на ногу.

– Я так давно не бывала у вас с визитом. Надеюсь, время подходящее.

– Как и любое другое. – Герцог положил карточку на серебряный поднос. Точно такой же поднос служил для визитных карточек в их имении в Черепашьей Бухте, только там карточки обычно лежали целой грудой, а эта оказалась единственной. – Когда миссис Фыркинс передала мне вашу карточку, я подумал, что вы, возможно... пришли... не одна.

– Не одна? – Кэт покопалась в памяти. – Ах да, моя матушка тоже сейчас ездит с визитами, и я не сомневаюсь, что и она скоро вас навестит.

Герцог pokrutil плоским носом.

– Ваша матушка. Да-да. Как поживают Маркиз и Маркиза?

– Очень хорошо, благодарю вас. А как... – Кэт помедлила, – ваше имение?

– Недурно, – Герцог тоже замешкался, – но, сказать по совести, немного одиноко.

Свои слова он сопроводил улыбкой, больше похожей на гримасу, а у Кэтрин почему-то сжалось сердце. Ей вдруг стало жаль Герцога, который вечно в одиночестве подпирает стенку на балах Короля, не решаясь танцевать и не вступая в разговоры.

Раньше такое поведение казалось Кэт высокомерным, но, возможно, дело в том, что он просто застенчив? Удивительно, как эта мысль раньше не приходила ей в голову.

– Могу ли я предложить вашей служанке сесть? – робко спросил Герцог, пока Кэтрин подыскивала вежливый ответ.

Мэри-Энн как раз скромно присела на край дивана, когда вернулась экономка с чайником, чашками и вазочкой ячменного печенья на подносе. Дрожащими руками она стала разливать по чашкам чай, при этом стреляя глазами то на Кэт, то на Герцога, так что раза два плеснула мимо. Герцог хмуро поблагодарил и отослал ее, сказав, что с молоком и сахаром он справится сам. Он склонился над подносом, и Кэт невольно ахнула, увидев у него на шее повязку с пятном запекшейся крови.

– Вы ранены, Ваша светлость?

Герцог Свинорыл взглянул на нее и смущенно опустил голову.

– Уверяю вас, это лишь царапина. Боевое ранение, полученное на королевском балу.

– Ах! Неужели это Бармаглот?..

– О да. Не желаете ли чашечку? – обратился он к Мэри-Энн, и та с благодарностью кивнула.

– Мне искренне жаль, – сказала Кэт.

– А я, – отозвался Герцог, – рад, что ему подвернулся именно я, а не кто-то из гостей более хрупкого сложения.

Он вдруг озорно улыбнулся, и Кэт невольно ответила тем же, хотя и не была уверена, что все поняла.

Ее мучило любопытство, но было неловко приставать с расспросами. Поэтому, выждав немного, Кэт сменила тему разговора.

– Надеюсь, наш неожиданный визит не причинил беспокойства вашей домоправительнице. Она кажется очень взволнованной.

– Нет, нет, вовсе нет. – Герцог передал ей чашку с блюдцем. – Наша жизнь бедна развлечениями, и, э-э-э... думаю, она по ошибке приняла вас за кого-то другого.

Его розовые щеки покраснели еще сильнее, и он отвернулся.

– Попробуйте печенье.

– Благодарю. – Кэтрин положила угощение на блюдце. Ей стало еще любопытнее. Кого же ожидала или надеялась увидеть экономка? Однако это ее не касалось, к тому же, она пришла сюда по делу, хотя чувствовала, что признаться в этом сейчас будет неловко.

Ее чашка звякнула о блюдце.

– Сегодня утром мы с Мэри-Энн заходили в лавку господина Гусеницы, – начала она. – Я была удивлена, узнав, что он вскоре переезжает. Трудно представить себе город без башмачника.

– О да. Вы, возможно, известно, что господин Гусеница снимал лавку у меня? Жаль, что он надумал уехать.

– А какие у вас планы насчет лавки, которая останется пустой?

– Пока не думал об этом. – Герцог звучно прочистил горло. – Но это скучная тема для таких юных дам. Может, вы бы предпочли поговорить о чем-то более интересном, например...

И он уставился в свою чашку.

– О лентах для волос? – предположила Кэт.

Герцог скривился.

– Боюсь, я не очень сведущ к этой области.

– И я тоже, – Кэтрин взяла маленькое треугольное печенье. – Я больше разбираюсь во всевозможной выпечке. Вы знали, что печь пироги и торты – мое хобби? – Она откусила кусочек печенья.

– Знаю, леди Пинкертон. Я имел удовольствие попробовать ваш клубничный...

Кэтрин поперхнулась и закашлялась. Кусок печенья с плеском упал в чай.

Печенье было твердокаменным, а вкус такой, словно она бросила в рот горсть черного перца.

– Что положили в это... печ... апчхи! – простонала она.

Она громко чихнула, потом еще и еще раз, расплескав чай на блюдечко.

– Простите! – сказал Герцог, протягивая носовой платок Мэри-Энн, которая передала его Кэтрин, но к этому времени чихание прекратилось. – Мне следовало вас предупредить.

Кэт потеряла нос платком. Его кончик еще продолжал чесаться, но вкус перца во рту немного ослаб.

– Предупредить меня? – проговорила она гнусаво. – Ваша светлость... мне кажется, ваша кухарка пыталась нас убить. Но за что?

Герцог нервно потер копытца, прижал к голове маленькие уши.

– О нет, леди Пинкертон, уверяю вас, это не так. Просто такая уж у меня кухарка. Обо-жает перец.

Кэт взяла из рук Мэри-Энн еще одну чашку чая и жадно отпила из нее, чтобы прогнать остатки перечного вкуса. А потом снова закашлялась.

– Лорд Свинорыл, ваша кухарка, должно быть, просто не знает, что бывают и другие ингредиенты? И что печенье состоит вовсе не только из одного перца?

Герцог беспомощно развел руками.

– Я пытался ее переубедить, но, знаете, она давно привыкла так готовить, ее уже не переделаешь. Хотя это немного приглушает способность чувствовать какой-то другой вкус.

Кэт сделала еще глоток чаю.

– Какой ужас. Почему вы ее не уволите?

У Герцога округлились глаза.

– Уволить? Только за то, что она плохо готовит? Какая жестокость!

– Но... она же кухарка.

– Да. И делает все, что должна делать кухарка. – Он хрюкнул. – Просто не очень умело.

Кэтрин еще немного покашляла.

– Понятно. Ну что ж. Спасибо за гостеприимство. – Кэт поставила чашку на столик рядом с кошмарным печеньем.

Герцог странно съежился, уверенность, с которой он держался в начале их визита, совсем его оставила.

– Уже уходите? Так скоро? – спросил он несчастным голосом.

– Нет, пока не собираюсь, – ответила Кэтрин. – Собственно говоря, я хотела попросить вас об одном... одолжении.

Маленькие глазки Герцога стали еще меньше.

– О каком одолжении?

– О, ничего особенного, уверяю вас. Но, как я уже вам говорила, я обожаю печь. *По-настоящему*. – Она неприязненно покосилась на вазочку с печеньем. – Смею надеяться, это у меня хорошо получается, и я никогда не сыплю слишком много перца.

Кэтрин улыбнулась, пытаясь придать легкость беседе, которая вдруг стала ее смущать. Она кивнула Мэри-Энн, та встала и протянула коробку Герцогу.

– Эти пирожные я испекла сама. Надеюсь, вам они понравятся. – Кэт помедлила. – Я также надеюсь, что ваш вкус не слишком пострадал от перца, и вам удастся их распробовать.

– Я... вы очень добры, леди Пинкертон. – Герцог открыл коробку и посмотрел на пирожные, но не столько с благодарностью, сколько с подозрением. – Но чему я обязан всем этим?

– Вот мы и подошли к цели моего визита. Королевству не помешает хорошая кондитерская, и вдруг я подумала, а почему бы мне самой и не открыть ее? А это навело меня на мысль о лавке господина Гусеницы. Вот я и хотела спросить – а не сдадите ли вы эту лавку мне?

Кэт старалась говорить непринужденно и игриво, но, закончив, увидела, что Герцог помрачнел. Чтобы это как-то скрасить, она сама широко улыбалась.

– Что вы об этом думаете?

– Я понял. – Герцог закрыл коробку и поставил куда-то себе за спину. – Все-таки вы пришли не с дружеским визитом.

Он тяжело, безутешно вздохнул. Кэт почувствовала, как у нее за спиной вздрогнула Мэри-Энн.

– Вы ошибаетесь, – забубнила Кэт, – Я уже давно собиралась к вам заглянуть, просто...

– Все в порядке, леди Пинкертон. Не продолжайте. Я понимаю, что не пользуюсь популярностью, а ваши визитные карточки несомненно с нетерпением ждут в других местах.

У нее перехватило дыхание от жалости.

– Простите, если невольно обидела вас.

Он только махнул рукой в ответ на извинения и выпрямился. На его лице появилось хорошо знакомое ей по балам и приемам выражение холодного высокомерия. Голос Герцога, когда он заговорил, звучал скованно, вовсе не так, как только что.

– Известно ли Маркизу о ваших планах?

Кэт хотела соврать, но решила, что не стоит.

– Нет, пока еще нет.

Он потер дрожащий подбородок.

– Я с большим почтением отношусь к вашему папеньке и не хотел бы оскорбить его, поддерживая начинание, которое он не одобряет.

– Понимаю. Я собираюсь поговорить с ним в ближайшее время, но подумала, что разговор прошел бы легче, если бы у меня было на примете помещение. Чтобы лучше донести до отца мои планы.

Мэри-Энн чуть подалась вперед.

– Успех переговоров возможен лишь при условии наличия договора аренды, который обеспечит справедливую рыночную стоимость лавки, и возможность осмотреть недвижимость...

Кэт ущипнула Мэри-Энн, чтобы та перестала молотить тарабарщину, но Герцог слушал и кивал. На его лице даже показалось что-то отдаленно напоминающее улыбку.

– Ну конечно, – ответил он, – Это очень разумно.

И он бросил в рот печенье из перца. К нижней губе прилипла крошка. Не глядя на Кэт, Герцог почти допил свой чай, прежде чем снова заговорил.

– Я учту ваши пожелания относительно лавки господина Гусеницы.

У Кэтрин будто выросли крылья.

– Я так благо...

– Но я попрошу вас об ответной услуге, леди Пинкертон.

Благодарность застряла у нее в горле, рядом с остатками перца. Кэт проглотила ее, не позволив вырваться наружу. Она очень надеялась, что герцог попросит о чем-то легко исполнимом – например, о том, всю жизнь до конца дней снабжать его свежим печеньем без следов перца.

– Разумеется, – сказала она вслух. – Чем я могу быть полезна вашей светлости?

Маска уверенности снова соскользнула, и, не будь Герцог так несомненно свинообразен, Кэтрин сказала бы, что сейчас он похож на кроткого ягненка.

– Вы ведь дружите с... – волнуясь, он сглотнул, показав клыки, – с леди Дроздобород, не так ли?

Кэт смотрела на него. *Дружба* было не совсем точное слово для описания ее отношений с Маргарет Дроздобород, однако...

– Да. Да, конечно, мы с ней подруги... довольно близкие.

– Могу ли я надеяться... Возможно ли, чтобы ... Если, конечно, я не требую слишком многого... не замолвите ли ей словечко за меня?

Кэтрин недоверчиво наклонила голову.

– Госпоже... Дроздобород?

– Вот именно. Видите ли. Я... – Герцог покраснел, а его губы расплылись в робкой улыбке. – Мне она очень нравится.

Кэтрин мигнула.

– Леди *Маргарет Дроздобород*?

Герцог мог бы заметить недоверие на ее лице, если бы не был так поглощен разглядыванием стены.

– Я знаю. Глупо даже думать, что я могу быть достоин такого восхитительного создания или что она когда-нибудь сможет разделить мои чувства. И все же... она... самая лакомая ягодка в варенье, правда же? И такая умная. И добродетельная. И такая невероятно... – Он просто обмирал от восторга. – ... Розовая.

Герцог осмелился поднять глаза на Кэт.

Она захлопнула рот и постаралась изобразить на лице понимание и сочувствие.

Приободрившись, Герцог опять отвернулся.

– Но я не могу решиться даже заговорить с ней. Не могу представить, какого она мнения обо мне.

Кусая губы, Кэт вспоминала язвительные комментарии, которые Маргарет годами отпускала по поводу Герцога: главным образом они касались его спеси и заносчивости. Правда, Кэт и сама считала его таким, но теперь видела, как несправедливы эти упреки.

В это было трудно поверить. Кэтрин не могла вспомнить, чтобы лорд Свинорыл, закоренелый холостяк, когда-либо оказывал знаки внимания даме. Как, впрочем, не припоминала и случая, чтобы хоть один мужчина проявил интерес к несносной, непривлекательной Маргарет Дроздобород.

Но вот, пожалуйста. Голубок и горлица – и все это происходит у нее на глазах.

Кэт постаралась улыбнуться, чтобы хоть немного поддержать огорченного Герцога.

– С радостью замолвлю за вас словечко, ваша светлость.

Глава 10

Дни перед чаепитием у Короля тянулись мучительно. Кэтрин просто тряслась от ужаса, представляя себе, как снова окажется рядом с королем и что между ними произойдет. Ее мать тоже волновалась, хотя ждали они от этой встречи совсем разных результатов.

Напечь розовых пирожных, чтобы растопить сердце короля, казалось Кэтрин отвратительной уловкой, тем более что ей совсем не нужно было его сердце. Однако она охотно воспользовалась этим предложением и целыми днями пропадала на кухне. Там можно было не опасаться, что ей велят заняться чем-то более полезным, например, вышивкой.

Ах, если бы только Король оказался непостоянным и ветреным. Или хорошо бы ее побег с бала так его смутил, что он никогда больше не решился бы на объяснение – или, по крайней мере, догадался объясниться не публично, а с глазу на глаз.

Хотя и при этой мысли Кэт тоже бросало в дрожь.

Несмотря на растущее беспокойство, Кэт ждала этого чаепития. Она не хотела признаваться в этом даже самой себе, и все-таки это было правдой: ей прямо-таки на месте не сиделось от нетерпения. Не из-за Короля, не из-за игр на лужайке, даже не из-за крошечных пирожков и сэндвичей.

Она предвкушала очередную встречу с придворным шутком.

Джокер больше не заглядывал в ее сны, а она умирала от желания снова его увидеть и рисовала в мечтах всевозможные варианты их свидания. Ей хотелось снова увидеть вызывающую улыбку, услышать его легкий смех, почувствовать воздушное прикосновение пальцев к волосам.

Кэт на минуту отвлеклась от своих мыслей и отложила в сторону кондитерский рожок. На противне пятнадцать лужиц миндального теста дожидались отправки в духовой шкаф, чтобы превратиться в воздушные пирожные. Щеки Кэт залил румянец, но не от жара духовки, руки дрожали – а уж это никуда не годится, когда занимаешься таким тонким делом.

Кэтрин прикрыла глаза, постаралась успокоиться и отогнать мысли – так она делала каждый раз, когда они заплывали слишком далеко в область недозволенных прикосновений. Узнай матушка, что думает ее дочь о шуте Короля, лопнула бы от ярости.

Король, вот ужас-то. Вот о ком ей полагалось мечтать на самом деле.

От всего этого у нее совершенно расшатались нервы.

Снова взяв кондитерский рожок, Кэтрин поклялась, что во время королевского чаепития будет держать себя в руках. Она леди, а он – шут, просто новое развлечение. Если она и увидит его снова, что само по себе маловероятно, то будет поддерживать с ним приличный и сдержанный разговор. Ничего легкомысленного, ничего неприличного она на этот раз не допустит.

Конечно, Кэт очень хотелось проверить, будет ли ее так же тянуть к Джокеру после второй встречи, но в глубине души она надеялась, что этого не случится. В конце концов, это бессмысленно – что может ей дать это чувство, даже если она снова испытает его? Родители никогда не разрешат ему ухаживать за ней. К тому же, она так и не решила, как же быть с Королем. Вдобавок, сейчас ее больше всего заботили переговоры с родителями. Как внушить им, что кондитерская – хорошее дело и нужно помочь в этом Кэт. Это самая главная, самая важная мечта... или во всяком случае была самой важной до появления лимонного дерева.

– Силы небесные, что за удивительный аромат?

Кэт отскочила от стола. На месте циферблата часов с кукушкой нарисовался Чеширский Кот – точнее, его голова. Стрелки указывали на его левое ухо и усы, что означало два часа дня.

– Привет, Котик! – Кэт нахмурилась. – Только не проглоти кукушку, пожалуйста.

Кот, возмущенно фыркнув, исчез и появился, теперь уже целиком, на высоком подоконнике. От рыжего оттенка, возникшего после тыквенных пирожков, не осталось и следа.

– Я такими штучками не занимаюсь, – сообщил Кот, – хотя как раз занят изучением вопроса о том, сколько *этих штучек* я мог бы съесть, пока ты отвернулась и не видишь.

Кэт подозрительно прищурила глаза.

– Ладно, ладно. На самом деле мне, пожалуй, неважно, видишь ты или нет.

– Они для Короля.

Чеширский Кот закатил глаза, зрачки в них запрыгали, как два детских мячика.

– Вечно у тебя все для Короля.

Кэт, улыбнувшись, снова взяла рожок, обтерла краешек и принялась выдавливать тесто на противень.

– Я не успела поблагодарить тебя за то, что ты отвлек всех на балу. Все получилось просто отлично.

– Ну, у меня обычно всегда именно так и получается.

– Гости, должно быть, сильно переполошились?

– Госпожу Дроздобород не так просто выбить из колеи.

– Ясно. Но я говорила о своем бегстве. Было ли всем понятно, что Король собирался... – Кэт вздохнула: – ...сделать предложение мне?

– Мне кажется, никто так ничего и не понял, но лишь потому, что люди обычно ужасно безответственны и невнимательны.

Кэтрин медленно выдохнула. Выложив на противень последнюю порцию теста, она стала подравнивать будущие пирожные.

– Вдобавок, – Кот, как обычно, широко улыбался, – все забыли о неудачном объяснении Короля из-за ужасных событий, которые за ним последовали. Надеюсь, о Бармаглоте ты уже слышала?

Кэтрин вытерла взмокший лоб рукавом.

– Конечно. Наверное, нехорошо, что я думаю о каких-то глупых объяснениях после всего, что случилось. А вообще, я никогда не верила, что Бармаглот существует.

– Опасное это дело – не верить в кого-то только потому, что он тебя пугает.

Кэт поставила противень в духовку.

– Но ведь он не появлялся здесь с незапамятных времен!

– Да, нас с тобой тогда еще не свете не было. – Усмешка не сходила с морды Кота и выглядела жутковато, учитывая тему разговора. – Возможно, правда, что он и не улетал никуда, а просто залег и выжидал. Или прилетел сквозь Зеркало, хотя это маловероятно. Правду мы вряд ли узнаем, но теперь этот зверь здесь, и думаю, что это было не последнее его нападение.

Кэт почувствовала горечь во рту.

– Что нам теперь следует предпринять?

– Нам? Я лично не собираюсь ничего предпринимать.

– Ну ладно, не ты. Но кто-то же должен что-то делать. Пусть, в конце концов, Король призовет рыцаря, как в старых легендах.

Чеширский Кот басовито мяукнул.

– Ты видела в королевстве хоть одного рыцаря?

Кэтрин обдумала его слова. Отдаленно рыцарей напоминали только солдаты Трефы в замке, но она подозревала, что их боевые качества вряд ли лучше, чем у миролюбивых Бубновых придворных.

– Надо же что-то предпринять, – повторила она, хотя ее пыл основательно охладел.

– Что-нибудь и будет предпринято – для того, чтобы скорее выкинуть из головы это ужасное происшествие и сделать вид, что ничего не было. – Кот облизал лапу и стал намывать себе усы. – Как всегда.

Кэт стало не по себе. Она знала, что Чеширчик прав – хотя сама ни разу не была свидетелем чего-то столь ужасного, но понимала, что все готовы притворяться и закрывать на это глаза, лишь бы только ничто не вторгалось в их уютную мирную жизнь.

– А как же те несчастные придворные? – шепнула она. – Что с ними случилось?

Улыбка Чеширского кота слегка полиняла – самую чуточку.

– Их уже нашли, милая Кэтрин. Вчера за Лесом Никуды обнаружили два клочка картона.

– Но... может быть, это не...

– Это они. На одном из клочков удалось различить фрагмент ромба – значка бубновой масти.

Кэт отвернулась и крепко зажмурилась. Она вдруг почувствовала себя маленькой и беззащитной. Наказанным ребенком – хотя если кто-то и наказал ее, так только она сама. Два дня она провела как во сне, то думая о встрече с Королем, то мечтая о Джокере, а все это время придворные были мертвы и чудище летало на свободе.

– Вчера я посетила Герцога Клыканского, – сказала она. – У него на шее рана, нанесенная Бармаглотом. Чудовище ранило еще кого-нибудь?

– Не думаю, и это большое счастье. Ведь все случилось в непосредственной близости от госпожи Маргарет Дроздобород.

– Скорей рассказывай!

– Когда огромный монстр вломился в зал, разбив окно, казалось – о, я меньше всего хотел бы показаться эгоистом, но казалось, что он нацелился прямо на *меня*. А я все еще сидел на голове у девушки, понимаешь ли. Поэтому я исчез... но мной руководил инстинкт, а вовсе не трусость, уверяю тебя...

– Естественно.

– ... И появился я на другом конце бального зала как раз вовремя, чтобы заметить, как лорд Свинорыл бросился между леди Дроздобород и чудовищем.

Кэт изумленно открыла рот.

– Да он настоящий герой!

– Поразительно, не правда ли, как часто оказывается, что *героизм* и *глупость* – одно и то же. Своими когтями, острыми, как ножи, чудище чуть не снесло Герцогу голову. Только по счастливой случайности он отделался царапиной. – Кот почесал себя за ухом. – Осмелюсь сказать, монстр мог подложить Герцогу большую свинью.

– Но Бармаглот ведь не убил его.

– Нет. Его внимание привлек стол с угощением, а у стола стояли двое придворных. Он схватил их и был таков! Вылетел через балкон. Все это случилось так быстро.

Кэтрин прислонилась к столу.

– Такое мне и во сне не могло привидеться!

Желтые глаза Кота сузились и уставились на нее. Миг, другой – а потом кот стал распускаться, как чулок, с кончика хвоста, медленно разматывая полосы.

– Подобные вещи и не происходят во снах, дитя, – сказал он, исчезнув до шеи, – Они случаются только в кошмарах.

Голова кота завертелась, и он растаял в воздухе.

Глава 11

Войдя в сад и ступив на зеленую лужайку замка, Кэт невольно начала озираться в надежде увидеть его. Она ничего не могла с собой поделать и то и дело пробегала глазами по толпе гостей, пытаясь разглядеть среди чепцов и широкополых шляп трехрогий шутовской колпак. Она заранее обмирала, предвкушая миг, когда встретится с ним – миг, который мог и не наступить. Присутствуют ли шуты на чаепитиях в саду? Кэтрин не знала.

Чувствуя себя ужасно глупо, она приседала в реверансах перед баронами и графинями, чуть ли не бросаясь навстречу к каждому вновь пришедшему, вылавливая каждое черное пятнышко среди разноцветно-пестрой толпы. Ей было прекрасно известно, кого она *должна* искать – Короля. Матушка была непреклонна и требовала, чтобы Кэтрин бросилась к нему сразу же, как только монарх появится. Ей предстояло вручить Королю коробочку с нежными розовыми пирожными (которая сейчас торчала у нее из кармана юбки) и ни на миг не отходить от него до тех пор, пока либо не кончится бал, либо у нее на пальце не появится кольцо.

Кэт уже описала большой круг по лужайке, а Короля, к ее большому облегчению, по-прежнему нигде не было видно.

К большому ее разочарованию не показывался и Джокер.

Глупые мечты. Легкомысленные фантазии. Тупые белые розы и лимонное дерево, и...

Что если он вообще не придет? У Кэт возникло чувство, что она зря надела свое самое красивое платье. Странно, до сих пор ей и в голову не приходило, что платье было выбрано специально для него.

– Дорогая Кэтрин, сегодня ваш наряд выглядит чрезвычайно уместно.

Кэт оглянулась и увидела Маргарет Дроздобород – та ковыляла по траве с двумя ракетками для игры в волан.

Кэтрин вгляделась. Что-то в Маргарет показалось ей необычным. Это трудно было объяснить. Знай Кэт ее чуть хуже, она подумала бы, что сегодня, в этой шляпе, при этом освещении Маргарет выглядит почти...

Ну, нет, не хорошенькой. Но по крайней мере не так оскорбляет глаз своим безобразием.

Хотя, возможно, Кэт просто взглянула на нее глазами влюбленного Герцога?

– Добрый день, леди Маргарет, – поздоровалась она, сделав реверанс.

– Довольно хороший, предполагаю, – ответила Маргарет, – хотя для того, кто хочет избежать разочарований, не слишком-то мудро проявлять неоправданный оптимизм. Тем не менее, я очень надеюсь, что сегодняшний день будет по крайней мере добрее, чем вечер последнего бала. Вы слышали, какое потрясение я пережила?

И она взмахнула ракетками.

– О да. Я слышала о нападении Бармаглота. Могу себе представить, как ужасно это было! И я очень рада, что вы не пострадали. – Сказав это, Кэтрин поняла, что и в самом деле рада.

Но Маргарет лишь фыркнула.

– Да, да, ужасно. Но еще *до того* — вы слышали, что натворила эта ваша кошмарная кошка?

– Моя... кошка? Вы о Чеширском коте? Я, вообще-то, не сказала бы, что он мой.

– Это неважно, он все равно несносен! Люди из приличного общества не должны страдать от его выходок. Надеюсь, сегодня вы оставили его дома.

Кэтрин сделала вид, что ничего не понимает.

– Что он натворил?

– Неужели до вас не дошли слухи? Удивительно. Этот безродный кот появился невесть откуда – вы и сами знаете, как он это проделывает – и оказался прямо у меня на голове.

Маргарет передернуло.

– Но я уверена, что Чеширский кот не желал вам зла. Мне кажется, что на самом деле вы ему очень симпатичны.

Маргарет надула губы.

– Его симпатия мне ни к чему. Меня спасло только появление Бармаглота, которое отвлекло окружающих от моего позора – от моего унижения!

– Надеюсь, что так. – Кэтрин сжала кулаки, но удержалась от замечания о несчастных Бубновых придворных. – А вы случайно не слышали, не говорил ли Король на балу о... невесте?

– Да, он собирался сделать предложение. Но тут началось форменное столпотворение. Вы много потеряли, не оставшись до конца, леди Кэтрин.

– О, я в этом уверена. А кто избранница Короля, случайно никто не упоминал?

– Не знаю. Я не собираю сплетни. Меньше сплетен – меньше вздору.

– Разумеется. Превосходный жизненный принцип. – Кэтрин понимающе закивала, и тут заметила Герцога Свинорыла, который прогуливался по газону с престарелой графиней Раздватрикс. Графиня вцепилась в локоть Герцога, тяжело опираясь на клюку, которую держала в другой руке. Палка то и дело застревала в густой траве. Старушка что-то горячо рассказывала Герцогу, тот кивал, но его взгляд был устремлен на Кэтрин и Маргарет. На красном лице с отвисшим двойным подбородком читалось беспокойство.

Кэтрин откашлялась и наклонилась к Маргарет, как заговорщица.

– Поведайте же мне о нападении Бармаглота, – зашептала она. – Вы очень испугались?

– Ах, не вынуждайте меня говорить об этом! – Маргарет поднесла руку ко лбу. – Я готова лишиться чувств, когда вспоминаю этот ужас. Вообразите только: чудовище влетело и нацелилось прямо на меня! Не представляю, почему. Можно только удивляться, что существо с такими дурными наклонностями инстинктивно потянулось к столь нравственному и добродетельному человеку, как я.

– О да, – повторила Кэтрин. – Остается только удивляться.

– Вот именно! Эти леденящие кровь видения будут преследовать меня до гробовой доски. Стоит закрыть глаза, как я вижу его челюсти, слышу клацанье огромных клыков и скрежет когтей.

Кэтрин придержала ее за локоть.

– Да, но... вас спасли, не правда ли? Я слышала, Герцог проявил настоящий героизм. Правда ли, что он отважно бросился между вами и монстром?

Маргарет возмущенно засопела.

– Скажите лучше, что ему не хватило проворства, чтобы скорее пробраться к выходу. Герцог наделен грацией дикого кабана. – Она насмешливо хрюкнула. – Хотя дикие кабаны, по-моему, более ловки и расторопны...

– О! Вот и он! Помашите же скорее, а не то он решит, что мы болтаем о нем.

Маргарет, с кислой улыбкой, которая походила на гримасу, вяло помахала Герцогу и Графине. Герцог поспешно отвел взгляд, уткнувшись тяжелым подбородком в зеленый галстук.

– Какая надменность, – проворчала Маргарет.

– Мне начинает казаться, что он, возможно, просто застенчив...

– Мы не должны поощрять такое скверное поведение, Кэтрин. Это все равно, что расплатиться морковью за тележку, не оставив ничего лошади.

Кэтрин попыталась разгадать эту головоломку, но быстро сдалась.

– Ваши сентенции безупречны, Маргарет, при всем желании к ним не придерешься.

Маргарет презрительно усмехнулась.

– Вы только взгляните – Графиня с ним флиртует! Какие низменные нравы.

– Мне так не кажется...

– Я бы тоже могла схватить мужчину за руку и притворяться, что спина у меня скрючена.

– Честно говоря, у Графини *действительно* скрюченная спина.

– Да, а вдобавок неумное желание разбогатеть. Вы только представьте, что здороваетесь с ее сиятельством герцографиней Раздватрикс! Или, наоборот, с ее светлостью графгерцогиней Клыкканской! Ну, кому это нужно, такое количество слогов в титуле?

– А мне кажется, что Герцог просто помогает старой леди перейти через луужайку.

Маргарет искоса хмуро покосилась на нее.

– Вы, леди Пинкертон, не наблюдательнее мухомора.

Кэт сделала еще одну попытку удержать на плаву их идущую ко дну беседу.

– Допустим даже, что Графиня флиртует, но Герцогу, как мне кажется, нравится...

– О, ужас. Теперь они идут сюда! – Маргарет повернулась к ним спиной. – Давайте сделаем вид, что играем в волан. Тогда, возможно, они не станут к нам приставать.

Маргарет сунула Кэтрин в руки одну ракетку.

– Не будет ли это выглядеть невежливо?

Пропустив вопрос Кэт мимо ушей, Маргарет отошла от нее подальше и послала в ее сторону волан – птичку-колибри с острым, как иглока, клювом. Кэтрин взмахнула ракеткой, но промахнулась. Колибри ткнулась клювом в мягкий дерн.

– Простите, дорогая Кэтрин! – крикнула ей довольная Маргарет так громко, что услышала, наверное, половина гостей. – Вам нужно больше упражняться.

Кэтрин нагнулась и подняла птичку, у которой с тихим жужжанием трепетали крылышки. Непреклонная Маргарет упорно не смотрела в сторону Герцога, а Герцог, стоя невдалеке, не сводил с нее глаз – сейчас ему не грозила опасность быть обнаруженным.

Графиня продолжала семенить рядом с ним, не обращая внимания на невнимательность своего спутника.

– Ну же, Кэтрин, – поторопила Маргарет, – Кидайте мне волан.

Кэтрин со вздохом подбросила птичку в воздух и ракеткой направила ее в сторону Маргарет. Игра наладилась, и Маргарет с каждым ударом все больше входила в азарт. Хотя Кэтрин никогда не считала себя спортсменкой, но двигалась она легче и быстрее противницы – та сразу запыхалась и пошла красными пятнами. Однако решимость Маргарет искупала эти досадные мелочи, так что вскоре она нанесла сильный удар, от которого колибри полетела Кэтрин прямо в голову. Кэт пригнулась и проводила глазами птичку, взмывшую в небо – прямо навстречу громадному ворону, черному, как смоль.

Кэтрин невольно ахнула.

На полпути колибри резко затормозила и, развернувшись, поспешила назад. Немного помешкав, она спикировала к живой изгороди, где и укрылась.

Птичка мгновенно вылетела у Кэт из головы. Сердце выскакивало из груди, а глаза обшаривали толпу. Платья и мундиры, шляпы и чепцы.

Она заметила его у столов, где дамы обмахивались веерами, попивая чай, и благосклонно улыбались, пока шут настраивал мандолину. Ворон каркнул, и Джокер поднял голову, продолжая подкручивать колки. Ворон приземлился ему на плечо.

Сначала шут, казалось, ее и не заметил. Но Кэтрин смотрела на него не таясь, во все глаза, как ребенок на прогулке, и Джокер ответил на ее взгляд.

Он сразу нашел ее в толпе, как будто точно знал, где искать. Как будто давно уже наблюдал за ней исподтишка и только ждал, когда она его заметит.

Ждал и улыбался ей – Кэт показалось, что она видит его улыбку, даже с такого расстояния.

Кэтрин перестала замечать мир вокруг. Мягкую траву под ногами. Ракетку, которую сжимала в руке. Волосы, которые щекотали мокрую шею.

В этот миг она получила ответ по крайней мере на один из своих вопросов. Ее тянуло к нему так же, как прежде – хотя у нее не было ни опыта, ни способа определить, просто ли это симпатия или другая, более мощная сила.

Джокер отвернулся. Ниточка оборвалась, и Кэтрин перевела дыхание, чувствуя благодарность за передышку.

Взгляд был достаточно долгим, чтобы зажечь в ней пламя любопытства, но слишком коротким, чтобы получить ответы.

Вокруг шута быстро росла толпа зрителей. Даже некоторые садовники-Пики перестали работать, заслушавшись его игрой. Кэтрин вздрогнула, заметив в толпе свою матушку, которая улыбалась так же широко, как и все прочие.

Кончилась песня. Последние ноты догнали Кэтрин уже за пределами лужайки, потом послышались аплодисменты и восторженные крики слушателей.

Джокер повесил мандолину на плечо и раскланялся. Ворон поднялся в воздух и, тяжело хлопая крыльями, полетел в сторону сада пряных трав.

– Кэтрин! Вы похожи на клоуна. Что вы там разглядываете?

– Ах! – снова столкнувшись с Маргарет, Кэт крепче вцепилась в ракетку. – Меня отвлек... ворон. Вы его видели? Видимо, шут тоже... хм... где-то здесь. Силы небесные, Маргарет, что это с вашей шляпой?

Зардевшись, как маков цвет, Маргарет проворно ощупала пальцами вуалетку.

– Что с ней происходит? Говорите же!

– Она... цветет, – ответила Кэт, не сводя глаз с розового бутона величиной с голову Маргарет. Бутон начинал распускаться: желтые лепестки разворачивались в роскошный цветок с золотистой сердцевинкой. Края лепестков сверкали, словно их окунули в сахарный сироп. В воздухе разлилось умопомрачительное благоухание.

– О, какая прелестная у вас шляпка, леди Маргарет.

Резко обернувшись на голос, Маргарет чуть не столкнулась с Графиней (именно она-то и говорила) и Герцогом – тот стоял на шаг дальше, застенчиво рассматривая собственные сапоги.

Интерес Маргарет моментально угас.

– Благодарю вас, – процедила она довольно неприветливо, высоко задрав нос.

– Скажите, вы купили ее в новой шляпной лавке за Перекрестьями? – продолжала Графиня. – Я слышала о ней и сама собиралась туда заглянуть, но в моем возрасте это слишком дальняя поездка – ну, разве что найдется крепкий молодой человек, который вызовется меня проводить!

Графиня захихикала, будто сказала что-то остроумное, и вцепилась узловатыми пальцами в локоть Герцога.

– Да, именно там я ее и купила, – неохотно признала Маргарет, втягивая голову в плечи. – То есть... разумеется, гордыня и... грех высокомерия... требуется сила воли, чтобы... отказаться от тщеславного желания привлекать к себе внимание... другими словами... заставлять себя... – Она сглотнула. – Аминь.

– Аминь, – хором ответили Кэт, Герцог и Графиня.

Кэт кашлянула.

– Я думаю, леди Маргарет имела в виду, что золотая рыбка всегда остается золотой рыбкой.

Герцог осмелился поднять взгляд и не отрываясь смотрел на Маргарет и полураспустившуюся шляпку у нее на голове. Теперь, когда лорд Свинорыл так и поедал маленькими черными глазками Маргарет и ее шляпу, Кэт снова смогла представить, что ее «подруга» не так уж дурна собой. Этому не помешали даже заносчивость Маргарет и ее надменно поднятый нос.

– Остается золотой рыбкой, – еле слышно повторил Герцог, – Совершенно с вами согласен.

– Чудесно, что юные леди решили размяться. – Графиня указала клюкой на ракетки. – Я как раз говорила Герцогу, что сегодняшнее чаепитие производит куда более приятное впечатление по сравнению с черно-белым балом. Я рада, что Король более ответственно подошел сегодня к выбору гостей. Не сравнить со сбродом, что собрался в прошлый раз.

– О да, – подхватила Маргарет, – Взять хотя бы этого ужасного Чеширского кота. Что вообще могла делать на королевском балу этот кот, с его постоянными исчезновениями, появлениями и привычкой садиться людям на голову. Все это противостоит естеству.

– Настоящее оскорбление для истинных леди и джентльменов! – Графиня пристукнула клюкой по траве. – Не говоря уже о мистере и миссис Питер! Чудовищные особы. Не хотела бы я еще раз повстречаться с ними.

И старушка скривилась, будто младенец, попробовавший вареный шпинат.

– Но все мы благодарны судьбе, – вставила Кэтрин, приложив к груди руки с ракеткой, – за то, что на балу оказались вы, ваша светлость. Маргарет как раз рассказывала мне о вашем подвиге – вы отважно бросились и заслонили ее от Бармаглота, чтобы защитить прекрасную даму! И, как я вижу, ваша рана до сих пор не зажила.

И Кэт указала на торчащую из-под галстука повязку и снова прижала ракетку к груди.

– Вот доказательство! Как это романтично! Словно в рыцарском романе. Маргарет, вы ведь согласны, что Герцог был очень храбр?

Встретив негодующий взгляд Маргарет, она обрадовалась, что Герцог снова потупился и ничего не заметил.

Вдруг рядом прозвучал новый голос – глубокий, чуть насмешливый, точнее, дрожащий от сдерживаемого смеха.

– Надеюсь всем сердцем, – произнес Джокер, – что этот случай не станет образцом романтических отношений, которому впредь придется следовать всем мужчинам Червоного королевства.

Кэтрин обернулась к нему так быстро, что чуть не свернула себе шею. Джокер, сняв трехрогий колпак, учтиво раскланивался с Герцогом.

– Вам выпало вступить в непростое состязание, лорд Герцог.

– О, я не стал бы... – забормотал Герцог, подергивая пяточком. – Н-на мо-моем месте... каждый... леди Дроздобород угрожала опасностью, и я... но ничего особенного, уверяю вас...

– Наш герой еще и скромненький? – удивленно поднимая брови, вскричал шут, обращаясь к Кэтрин, Маргарет и Графине. – На кого же из вас, прекрасные дамы, он так старается произвести впечатление?

Незаметно прикусив изнутри щеку, Кэтрин глазами указала на Маргарет.

– Вот оно что. – Если шута и удивил выбор Герцога, он не подал виду.

Графиня кокетливо взмахнула ресницами, польщенная, что и ее включили в этот романтический список.

– Нынешние молодые люди просто очаровательны, – проворковала она, очень довольная происходящим. – Но я не собираюсь больше замуж, уверяю вас. Одного раза мне хватило на всю жизнь.

– Какая потеря для нас всех, – отозвался Джокер и поцеловал сухую лапку Графини, от чего старушка растроганно закудала.

– А вы, должно быть, та самая мудрейшая леди Дроздобород, о которой я так много слышал? – И шут поцеловал руку Маргарет. – И... прелестная леди Пинкертон, если не ошибаюсь?

Он повернулся к ней. Его кожаная перчатка оказалась теплой и гладкой на ощупь, а легкое прикосновение его губ к пальцам не должно было произвести такого пожара, от которого у Кэт запылали шея и уши. В его угольно-черных глазах таилась усмешка. Тайна, в которую были посвящены только они двое.

– Очень приятно, господин шут, – сказала Кэт, радуясь, что ее голос не дрогнул.

Его улыбка едва заметно посветлела.

Лорд Свинорыл, собравшись с силами, выпрямился, одернул мундир и расправил плечи.

– А касательно вас, леди Дроздобород? Насколько я знаю, никто пока еще не делал вам... эгхрм... предложений?

Кэт даже отшатнулась. Она-то знала, что намерения у Герцога были самыми лучшими, но даже ей показалось, что этот вопрос, заданный с робкой надеждой, прозвучал, как насмешка.

Именно насмешку, разумеется, в нем расслышала и Маргарет.

Вспыхнув, она вырвала ракетку из рук Кэтрин.

– Не думаю, что это вас хоть как-то касается. Это не касается вообще никого. Но, да будет вам известно, я чуждаюсь таких пустых предметов, как ухаживания и кокетство. Предпочитаю проводить время, совершенствуя и оттачивая свой ум, изучая философию и вшивая притчи в подкладку своих платьев. А теперь вынуждена извиниться, я должна отыскать свою колибри!

Поправив шляпу на голове, она решительно направилась искать упавшую птичку, не оглядываясь на потрясенного Герцога и рассеянную Графиню.

– Думаю, я мог бы угадать ответ на ваш вопрос, – сказал Джокер шутливым, но беззлобным тоном и ободряюще улыбнулся Герцогу. – В другой раз повезет больше, дружище.

Герцог Свинорыл со вздохом попрощался с Кэтрин, коснувшись шляпы, и повел Графиню прочь. Как только Маргарет ушла, он потерял всякий интерес к их беседе.

– Прошу простить меня за то, что вмешался, – сказал Джокер, но так тихо, что Кэт почти не слышала его за оглушительным стуком своего сердца.

– Вам не за что извиняться, – ответила она. – Боюсь, я оказала Герцогу медвежью услугу, хотя искренне хотела помочь.

– Так часто происходит с благими намерениями. Сватовство – ваше новое увлечение, или только Герцог имел счастье удостоиться такого благодеяния?

– Боюсь, пока результат моих деяний не благой и не счастливый. Но, честно говоря, это первая моя попытка. Герцогу очень нравится леди Дроздобород, но он не умеет проявлять свои чувства. Да вы и сами видели. Мы с ним... обмениваемся услугами. – Кэт развела руками. – Это трудно.

– Стало быть, вы оказываете услуги. Буду иметь в виду.

Он улыбнулся. Она улыбнулась в ответ.

– Кстати об услугах, – снова заговорил он после небольшой паузы. – Чуть не забыл. Вообще-то меня послали за вами, леди Пинкертон.

– За мной?

Шут сцепил руки за спиной, подражая королевскому глашатаю.

– Его Величество Король желает с вами побеседовать.

Глава 12

Кэтрин брела за Джокером, и ей было не по себе. От одной мысли о встрече с Королем у нее все внутри холодело, но она пыталась собраться с духом и подготовиться к неизбежному объяснению.

Трудно подготовиться к тому, на что у тебя до сих пор нет готового ответа. Каждый раз, представляя, как ужасно будет принять предложение Короля, Кэт думала и о том, в какой восторг придут ее родители. Они будут гордиться. Ох, как будет хвастаться мать...

А тут еще беспечное насвистывание шута, идущего впереди. Оно совсем не помогало сосредоточиться, как и вид его узкой талии и элегантных узких штанов. От всего этого Кэт начинала задыхаться, не совсем понимая, в чем причина этого явления.

Голова шла кругом. Кэт показалось даже, что она может снова лишиться чувств. Эта идея ей понравилась.

Они вошли во внутренний двор, окруженный со всех сторон кустами ежевики. На клумбах скалились львиные зевы, кошачьи лапки выпускали коготки, тихо позвякивали голубые колокольчики. В центре был фонтан, и Король ходил по бортику вокруг него, раскинув руки для равновесия, как канатоходец.

Джокер звучно прочистил горло.

– Ваше Величество, осмелюсь доложить – леди Пинкертон.

Король пискнул от удовольствия и спрыгнул с бортика.

Кэтрин присела в реверансе, кляня себя за то, что не упала в обморок по дороге.

– Хорошо, Джокер, спасибо. Можешь быть свободен! – хлопнул в ладоши Король. Джокер отвесил ему поклон, потом поклонился Кэтрин. Когда их взгляды встретились, в глазах шута мелькнула нерешительность – словно он заметил на лице Кэт мольбу. Прочел то, что без конца крутилось у нее в мыслях – *пожалуйста, не уходи, умоляю!*

Одна бровь Джокера поползла вверх.

Кэтрин отвернулась, обхватив себя руками.

– Если я потребуюсь, – сказал Джокер, – я буду здесь, неподалеку.

Хотя он обращался к Королю, Кэтрин подумала, что это сказано для нее. Она так и стояла отвернувшись, пока не услышала его удаляющиеся шаги.

Их с Королем оставили наедине в романтическом садике. Глядя на Кэт, он так улыбался, словно развернул подарок на день рождения и обнаружил в коробке именно то, о чем просил.

– Вы хотели меня видеть, Ваше Величество?

– Очень хотел, леди Пинкертон.

Тяжелое молчание висело тучей, пока Король не откашлялся.

– Сад сегодня восхитителен, правда? Только послушайте, как чисто звучат колокольчики!

Кэт послушала. Мелодия звучала чудесно, каждый колокольчик вступал со своей нотой точно вовремя. Но музыка не могла ее успокоить.

Король предложил ей руку, и Кэт ничего не оставалось делать, как опереться на нее и отправиться вместе гулять по дорожкам, среди гераней, выющегося плюща и сонных георгинов. Король был необыкновенно весел, он не шел, а почти бежал вприпрыжку. Кэтрин хотелось остановиться, погрозить пальцем и строгим голосом велеть ему успокоиться. Вместо этого она изо всех сил старалась радоваться его хорошему настроению. Она слушала болтовню о том, как садовники отбирали цветы для посадки в новом сезоне, и что виноторговец собирается в этом году сделать вино из сладкой бузины, и как счастлив он будет принять участие в ежегодном Черепашьем празднике, который устраивают Маркиз и Маркиза, и как интересно, будет ли там она, Кэт – ах да, конечно, она там будет, ведь это праздник ее родителей – и станет ли она танцевать кадрили, и ему не терпится попытать счастья в ловле устриц, а ей?

Кэт слушала очень вежливо, но вряд ли поняла хоть слово. Пирожные в кармане стали тяжелыми и якорем тянули ее к земле. Они были испечены, чтобы проверить, по-прежнему ли Король к ней благосклонен. Чтобы заставить Короля повторно просить ее руки.

Утром Кэтрин попробовала оставить пирожные дома, притворившись, что забыла, но ее матушка склерозом не страдала.

Кэт не хотелось дарить пирожные Королю. Еще меньше хотелось дарить ему надежду. Впрочем, это неважно. Видимо он все равно сделает ей предложение. А иначе зачем же он приказал шуту привести ее в сад?

Кэт пыталась дышать ровнее. Уж лучше здесь, чем в бальном зале. По крайней мере вокруг не толпятся знакомые. У нее была слабая надежда, что наедине она решится и откажет Королю – как можно тактичнее, чтобы потом не умирать от раскаяния и чувства вины перед ним.

Они прошли через арку, обогнули подстриженные кусты и решетки с вьющимися растениями, а Король продолжать говорить, обо всем и ни о чем. Кэтрин зевнула. Лучше бы она осталась играть с Маргарет в волан. Лучше бы она сейчас пила чай и сплетничала с матушкой и ее подругами. Лучше бы поела перед тем, как идти сюда: пустой желудок был готов вот-вот заурчать.

Когда они извилистым путем вышли в другой сад, Кэт снова заметила шутовской наряд Джокера. Шут, как и обещал, держался неподалеку и показывал карточный фокус Двойке Пик, молодому садовнику, который смотрел на него с обожанием.

Ноги сами свернули в их сторону, Кэтрин даже не заметила, как это вышло. Она остановилась невдалеке от Джокера, который как раз веером перекинул карты из одной руки в другую. Потом перетасовал их так быстро, что невозможно было уследить. Карты послушно улеглись у него на руке, до самого локтя. Шут заставлял их танцевать и исчезать, карты живой цепью повисали у него между пальцев, принимая форму то звезды, то сердца, а потом послушно легли на место, снова став обычной колодой. Тогда шут подбросил их в воздух, карты фонтаном взмыли вверх и дождем посыпались на головы, словно красные и черные конфетти.

Внезапно раздалось громкое карканье, и юный садовник замер, не досмеявшись. С ближайшего розового куста спикировал ворон, схватил в воздухе карту и уселся на плечо Джокера. Склонив набок голову, птица показала пойманную карту.

Это была двойка пик.

Джокер передал карту юному садовнику, пришедшему в неопикуемый восторг.

– Вам он нравится?

Кэт испуганно присела. Она совсем забыла про Короля.

Ее щеки залил жаркий румянец.

– Н-нет... Я не...

– Я нахожу его изумительным.

Кэт прикусила язык.

– По-моему, это лучший придворный шут в мире! С ним не сравнится даже сам Прелестный Комик, Кентер Берри.

Кэтрин не представляла, о ком речь, но обрадовалась возможности собраться с духом. Конечно, Король всего-навсего спросил, нравится ли ей шут. Его фокусы и шутки, его иллюзии и игры.

Не человек.

Не мужчина.

А он ей и не нравится.

Этот мужчина.

В конце концов, она с ним едва знакома.

Кэтрин сглотнула.

– Это было... интересно, – кивнула она.

– Вы видели представление на балу?

Она сплела пальцы.

– Да, Ваше Величество. Это было эффектно.

– Сногсшибательно, правда? – подскочил король. – Идемте! Я поторопился его отпустить. Развлечемся немного!

– Что? Нет!..

Но Король уже ломился прямо через кусты.

– Джокер, эй, Джокер! – кричал он нараспев.

Джокер обернулся. Юный садовник, которому Ворон милостиво позволил гладить свое крыло, завидев Короля, пал ниц, а птица взлетела на дерево. Король, кажется, ничего не заметил.

Кэтрин держалась позади, стараясь прятаться за кустами.

– Добрый день, – снова поздоровался Джокер, устремив на Кэтрин вопросительный взгляд обведенных углем глаз.

Медленно, стараясь делать это незаметно, она выпрямила согнутую спину.

– Мы как раз вспоминали твои номера на балу, – сказал Король, качаясь с пятки на носок. – Леди Пинкертон в восторге, она твоя почитательница!

Кэтрин вздрогнула.

Не пытаясь скрыть усмешку, Джокер повернулся к ней.

– Я польщен, леди Пинкертон.

– Надеюсь, не слишком.

От улыбки у него на щеках появились ямочки.

– Может, повеселишь нас? – спросил Король.

– О нет, не нужно, – протестующе подняла руку Кэтрин. – Там есть и другие гости... а здесь нас всего двое, так зачем...

Она сбилась и замолчала.

Джокер посмотрел на нее с вызовом.

– С превеликим удовольствием, Ваше Величество, – заговорил он, не обращая на нее никакого внимания. – Но сперва было бы неплохо отпустить этого молодого человека.

И он показал глазами на Двойку Пик, распростертого на траве.

Король заморгал. Видно, он и правда не заметил садовника.

– О! О да, ступай, ты свободен, – сказал он, поправляя корону.

Юноша вскочил на ноги, торопливо поклонился и во всю прыть побежал из сада, сжимая в руке подаренную ему карту.

Кэтрин не сумела придумать благовидного предлога, чтобы уйти, и позволила Королю усадить себя на каменную скамейку. Она села на самый краешек, подальше от него, но ее сердце трепетало, как пчелиное крылышко. Знает ли Джокер, что Король собирается просить ее руки? А может, это его вовсе не волнует?

– Какие развлечения предпочитает Ваше Величество? – спросил Джокер.

– Даже не знаю. Что-нибудь, что понравится и леди.

Чувствуя, что Король смотрит на нее, Кэт зажала руки между колен и решила, что ни за что не повернется.

– Вы сами лучше знаете, что выбрать. То, что вам нравится, наверное, понравится и нам.

Джокер ответил на ее неуклюжие слова кривоватой усмешкой, и колода карт исчезла у него в рукаве.

– Ничто не радует больше, чем улыбка на лице прекрасной дамы. Но что-то подсказывает мне, что рассмешить вас будет не так просто, как на последнем балу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.